ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА
ПО МАРКСИЗМУ-ЛЕНИНИЗМУ

С. Г. СТРУМИЛИН

ПЛАНИРОВАНИЕ в СССР

1957

ГОСПОЛИТИЗДАТ

ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕЧКА
ПО МАРКСИЗМУ-ЛЕНИНИЗМУ

С. Г. СТРУМИЛИН
академик

ПЛАНИРОВАНИЕ в СССР

Первому плановику в СССР
дорогому учителю
Глебу Максимилиановичу
Кржижановскому
от благодарного ученика
С Г Струмилин
14/II 1957 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1957

Отзывы и пожелания читателей просим направлять по адресу: Москва, В-71, Б. Калужская, 15, Госполитиздат, редакция литературы по экономике СССР и стран народной демократии.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПЛАНИРОВАНИЯ

Хозяйства бывают и мелкие, и очень крупные. Различают хозяйства частные и общественные, например коммунальные хозяйства городов или государственные хозяйства различных типов в разных странах. Все они, однако, независимо от масштабов и типа, предполагают прежде всего наличие индивидуального или коллективного хозяина и планомерное руководство, сознательно направляющее их к определенной цели по заранее намеченному пути и с заранее намеченной программой действий. Эта программа действий, намеченная на тот или иной отрезок времени, и называется хозяйственным планом. В идеале такой план, направляя хозяйство кратчайшими путями к намеченной цели, должен обеспечить возможно полное использование в нем всех наличных ресурсов и достижение максимального хозяйственного эффекта с наименьшими затратами времени и усилий. На практике мы, конечно, только более или менее приближаемся к такому оптимальному решению задач хозяйственного планирования. Но во всяком случае хозяйство, ведущееся без заранее намеченного и сколько-нибудь продуманного плана, не может быть признано рациональным. Это ладья без руля и без ветрил.

Особенно важно при этом различать частнохозяйственные планы отдельных предпринимателей, свойственные всем странам капитализма, от планов народнохозяй-

ственных, охватывающих все отрасли труда и направляющих все производительные силы страны в едином замысле к разрешению очередных задач всего общества в целом, как это практикуется в СССР и в других странах социализма.

Основной порок хозяйственных планов, создаваемых в условиях частнохозяйственных отношений и ожесточенной рыночной конкуренции между собой всех предпринимателей, прежде всего тот, что таких планов **слишком много,** причем каждый из них, преследуя индивидуальные выгоды одного лишь частного хозяйства за счет всех остальных, естественно, **противоречит** всем прочим планам. Действия и противодействия, направленные друг против друга, взаимно погашаясь, вообще не могут дать сколько-нибудь полезный эффект. И уже поэтому множество разноречивых индивидуальных планов никогда не сможет дать такой эффект, как **единый** народнохозяйственный план, в котором усилия всех хозяйственных ячеек так координированы между собой, что действуют все согласно, в одном направлении к намеченной планом общей цели.

Отдельный предприниматель, например металлург, знает, скажем, что на тонну чугуна ему нужно закупить 2 *т* руды и 0,9 *т* кокса. Но он не может знать при составлении своего плана, в такой ли именно производственной пропорции 2 : 1 : 0,9 будут произведены эти продукты в стране, сколько металла потребует от него рынок и как сложатся рыночные цены. Не знает он и планов всех своих контрагентов — продавцов и покупателей. Чужая душа — потемки. Но еще темнее в чужих карманах, в карманах контрагентов, каждый из которых норовит надуть всех остальных. Коммерческая тайна покрывает все густою мглой в деловом мире современного капиталистического общества. И в этой мгле скрывается слишком много неизвестных, чтобы трезвым расчетом можно было обосновать рациональную программу действий в порядке индивидуального планирования отдельных предприятий.

Из миллионов скрещивающихся индивидуальных устремлений в конце концов складывается та или иная равнодействующая. Но эта равнодействующая в своем хозяйственном эффекте всегда меньше общей суммы затраченных на него индивидуальных усилий, ибо, сплетаясь в узле непримиримых частнохозяйственных интересов, эти усилия в огромной своей части расточаются бесплодно. В этом узле противоречий сумма, казалось бы, очень разумных волевых усилий претворяется, таким образом, в неразумную стихию. Каждый хозяин в отдельности здесь что-то предполагает, а стихия рынка всеми ими властно располагает. Получается хозяйственный хаос, из которого и проистекает та хроническая трагедия расточительства производительных сил общества, которая столь характерна даже для самых передовых стран капиталистического Запада. У всех дельцов в этом хаосе остается поэтому один лишь ориентир, заменяющий им и полярную звезду, и компас. Это рыночные цены, сулящие им прибыль или убыток. Если цены растут, все спешат использовать благоприятную конъюнктуру, наперегонки расширяя свою продукцию до тех пор, пока в самый разгар всеобщего «процветания» не разражается вдруг неожиданно для всех, как гром с ясного неба, очередной кризис перепроизводства. Цены стремительно летят вниз. А вместе с ними летит вверх тормашками и все пресловутое «просперити»[1]. Начинается всеобщая паника. Все сокращают свое производство. Лопаются, как мыльные пузыри, банки. Закрываются в результате банкротств тысячи солидных фирм и предприятий. Выбрасываются на улицу умирать с голоду миллионы безработных. А затем через два-три года депрессии (застоя) по истощении товарных залежей снова поднимаются цены и снова повторяется тот же лихорадочный цикл подъема и горячки до нового кризиса. И в этом процессе слепая стихия рынка опрокидывает самые трезвые расчеты и ожидания индивидуального планирования.

---

[1] Процветание.

Иной эффект дают методы народнохозяйственного планирования, применяемые в СССР и обеспечивающие Стране Советов совершенно беспримерные темпы бескризисного развития. Не прочь были бы применить подобные же методы и некоторые капиталистические страны, потрясаемые особо жестокими кризисами. Ничего путного, однако, из этих попыток до сих пор не вышло. Да и не могло выйти — за отсутствием там необходимых предпосылок для такого планирования. В самом деле, чтобы успешно составлять единый план для всего народного хозяйства в целом, надо прежде всего организовать в нем такое единство. В СССР, где все средства производства страны принадлежат одному хозяину в лице всего советского народа и где поэтому все народное хозяйство представляет собой реальное единство, как единый комбинат с многочисленными отделениями и цехами, но с единой конторой,— вполне обеспечивается не только составление, но, что еще важнее, и дружное в общих интересах всего народа осуществление единого народнохозяйственного плана. Народное хозяйство всех других стран, в которых средства производства распылены в частной собственности множества хозяев, при наличии острого соперничества в их собственной среде и непримиримого противоречия интересов всех хозяев, как класса, и их рабочих, не представляет собой, конечно, такого единства.

Можно, однако, сказать и больше. Народнохозяйственное планирование в любой стране с господством частнохозяйственных отношений, несомненно, встретило бы активное сопротивление и самый ожесточенный саботаж со стороны всех частных предпринимателей.

Как видим, принцип частной собственности на средства производства вступает в явную и притом принципиально непримиримую коллизию [1] с самыми насущными требованиями народнохозяйственного планирования. Представим себе, однако, что в какой-либо стране на-

[1] Противоречие, столкновение интересов.

шлась бы достаточно сильная и решительная народная власть, которая, ставя общие интересы здорового, бескризисного развития всей страны выше частных интересов отдельных собственников, поставила бы все же своей задачей наперекор всем препятствиям осуществить в стране народнохозяйственное планирование и тем самым избавить ее навсегда от неисчислимых бедствий хозяйственных кризисов. Спрашивается, что же ей для этого пришлось бы прежде всего сделать? Логика вещей подсказывает, что прежде всего для этого нужно было бы обуздать всех злостных нарушителей плана, хотя бы для этого пришлось заменить у пульта управления предприятиями всех собственников этих предприятий более надежными исполнителями плана из числа наемных специалистов — инженеров и экономистов. Кстати сказать, такая смена совершенно безболезненно в интересах дела происходит на наших глазах повсюду, где из отдельных предприятий организуются крупные их объединения — тресты и концерны. Бывшие хозяева этих предприятий, получив каждый по пакету акций и облигаций, отправляются на покой стричь купоны и подсчитывать дивиденды, а на производственной работе их с успехом заменяют функционеры-специалисты. Однако даже в такой весьма пассивной роли праздных рантье, собирая обильную дань накоплений от средств производства, обслуживаемых и управляемых чужими руками, собственники этих средств и накоплений могут еще проявить такую «частную инициативу», от которой не поздоровилось бы и прекрасно обдуманному народнохозяйственному плану. Всякий план должен обеспечить не только производство, но и реализацию общественного продукта. Но как обеспечить реализацию по плану той его части, которая должна служить задачам расширения производства, если соответствующий фонд накопления попадает в бесконтрольное распоряжение различных владельцев акций и облигаций и прочих частных собственников средств производства. А что, если они предпочтут использовать этот фонд на биржевые спекуляции ценными бумагами, или на скупку хлеба для

перепродажи затем по бешеным ценам, или все скопом устремят свои вложения не в те отрасли, расширение которых особенно важно в интересах народа и обеспечено вещественными ресурсами по плану, а в те, какие им покажутся более рентабельными? Во всех этих случаях план реализации будет сорван со всеми последствиями подобных срывов.

Предотвратить такие срывы общественных планов производства и распределения возможно, лишь освободив частных собственников средств производства не только от тягостной обязанности управления ими, но и от гораздо более приятной привилегии частного присвоения результатов давно уже по существу ставшего общественным производства. Говоря иначе, нужно признать, что народнохозяйственное планирование несовместимо с частной собственностью на средства производства и обобществление их является поэтому первейшей и основной предпосылкой возможности успешного планирования в масштабе народного хозяйства в целом. Деловые люди нашего времени, однако, отнюдь не склонны отказываться от своей роли организаторов производства и от пресловутых достоинств частной инициативы предпринимателей в их собственных предприятиях во имя потенциальных преимуществ плановой системы. И тщетно было бы переубеждать их в этом. Частная инициатива, подогреваемая личной заинтересованностью, действительно немалая сила на путях хозяйственного прогресса, хотя поприще для ее применения с умножением трестов и концернов и поглощением ими всех более мелких «самостоятельных» хозяйств и хозяйчиков заметно суживается. Мы знаем, однако, наряду с частной инициативой и другую — общественную инициативу в условиях планового хозяйства. И нас тоже трудно было бы разубедить в том, что общественная инициатива миллионов трудящихся СССР в их борьбе за высокую производительность труда или в социалистическом соревновании их за перевыполнение планов дает гораздо больше народному хозяйству, чем частная инициатива, скажем, индийских

ручных ткачей в их соперничестве с автоматами Нортропа или мелких лавочников, конкурирующих с универмагами Лондона и Нью-Йорка, или даже всех частных предпринимателей-аутсайдеров[1] США, взятых вместе, в их безнадежном соревновании с американскими монополиями.

Вместе с тем, расценивая по достоинству ту хваленую медаль, на лицевой стороне которой красуется надпись «частная инициатива», не мешает взглянуть и на оборотную сторону, где четко вырисовывается в перспективе «промышленный кризис». И действительно, разве не эта самая пресловутая частная инициатива предпринимателей Запада, помноженная на их жажду наживы, гонит их в азартном состязании на всем пути от станции «Просперити» до конечной остановки в тупике «Кризиса»? Все те, стало быть, кому частная инициатива представляется более предпочтительной, чем ограничивающий ее народнохозяйственный план, должны быть готовы и к расплате за нее... кризисами. А это не дешевая плата. Сопоставляя данные о национальном доходе, накоплении и потреблении США за годы подъема и кризисов, нетрудно убедиться, например, что потеря в народном доходе США за один лишь 1933 кризисный год по сравнению с лучшим годом цикла (1929) составила не менее 47 млрд. долл. (87—40 млрд.). Сумма ежегодных накоплений в США в лучшие годы достигает при этом 7—8% от народного дохода, т. е. 6—8 млрд. долл., а в годы кризисов, по расчетам американских экономистов, наоборот, получается прямое проедание народного имущества на сумму не менее 6 млрд. Если, таким образом, из 47 млрд. долл. потерь 1933 г. в народном доходе 14 млрд. отнести за счет потерь в накоплениях и основных фондах страны, то, значит, не менее 33 млрд. прочих потерь снижают фонды народного потребления кризисного года и уровень жизни всего населения США. Королей мил-

[1] Владелец предприятия, не входящего в какое-либо монополистическое объединение.

лиардов и прочих бизнесменов это снижение уровня жизни едва ли касается. И, стало быть, расплата за неумеренное пристрастие их к форсированию частной инициативы в ущерб плановости, приводящее к стихийному перепроизводству, падает на иных плательщиков. За их грехи расплачиваются в годы кризисов широкие народные массы.

Не встречает одобрения у бизнесменов Запада и еще одна предпосылка планирования, давно уже осуществленная в СССР. Мы говорим о монополии внешней торговли, установленной еще декретом от 22 апреля 1918 г. По этому декрету вся внешняя торговля Советского Союза с зарубежными странами осуществляется только через специально созданное Министерство внешней торговли и его агентуру за границей в предусмотренных планом масштабах и ассортименте. Такой порядок, гарантирующий советское хозяйство от всяких случайностей внепланового товарооборота, казалось бы, лишь облегчает и задачи его контрагентов, сберегая их время и издержки обращения, поскольку они вместо миллионов неведомых им советских продавцов и покупателей имеют дело с одним единственным их торговым представительством в каждой стране. И все же им недовольны все зарубежные сторонники свободы торговли, усматривая в этом явное стеснение их частной инициативы. Но с не меньшим основанием можно утверждать и обратное, что неограниченная свобода частной инициативы в международной торговле в еще большей степени ограничила бы возможности общественного планирования в интересах всего народа любой страны. Монополия внешней торговли не мешает СССР делать за границей значительные закупки. В период кризиса, когда все его жертвы изнемогают от затоваривания, СССР, непрерывно повышая свои ресурсы в бескризисном росте, может в отличие от капиталистических стран даже расширять в общих интересах международного рынка свой импорт. Не следует, однако, забывать, что этой ценной и для него самого и для других возможностью Советский Союз обязан как раз

только ему присущим методам планирования. Не выходя из рамок своих планов, он всего охотнее ввозил к себе доныне заграничные машины. Придет, конечно, время, когда ему потребуется и многое другое. Но никогда не захочет Советский Союз импортировать к себе вместе с другими товарами и такой заграничный продукт, как промышленные кризисы. Понятно, что без защитного барьера монополии внешней торговли советские рынки с первыми же признаками кризиса за границей сразу же затопило бы наводнение хлынувшей сюда отовсюду товарной завали по бросовым ценам. Грандиозное затоваривание, проникнув в эту брешь, сорвало бы все планы и расчеты Советского Союза и ввергло бы и его вслед за другими в общую пучину мирового кризиса.

А между тем, с тех пор как советская практика показала полную возможность предотвращения кризисных потрясений экономики методами народнохозяйственного планирования, никто уже не вправе рассматривать их как неотвратимое стихийное бедствие. Страны, которые в силу господства частно-капиталистической собственности и по другим причинам мирятся с бесплановостью и кризисами, не могут требовать, чтобы другие, не принимая своих маленьких предосторожностей, расплачивались за чужие грехи. Одной из таких предосторожностей и является монополия внешней торговли — эта необходимая предпосылка планирования для любой страны до тех пор, пока она находится в окружении соседей, предпочитающих бесплановость.

Наряду с такими экономическими предпосылками народнохозяйственного планирования, как общественная собственность на средства производства и -монополия внешней торговли, следует назвать и важнейшую политическую предпосылку этих предпосылок в лице такой, как в СССР, подлинно демократической и сильной власти, которая, ставя общие интересы всего народа выше любых частных, захотела бы и смогла обеспечить все необходимое для осуществления планового хозяйства.

В качестве дальнейшей предпосылки успешного планирования нужно назвать и достаточно высокий культурный уровень всего народа, ибо мало еще составить разумный хозяйственный план, нужно его успешно выполнить. А для этого требуется разумное и активное участие всего народа.

Однако, как показывает опыт СССР, уже овладение путем обобществления такими командными высотами народного хозяйства, как крупнейшие индустриальные предприятия страны и земельные латифундии, железные дороги и контролирующие крупное производство банковские учреждения, достаточно для дальнейшего развития и укрепления всех прочих культурно-экономических условий и предпосылок рационального планирования.

До второй мировой войны, как известно, народнохозяйственное планирование было освоено и применялось с успехом в границах одного лишь Союза Советских Социалистических Республик. Но, выдержав с честью все испытания этой тягчайшей войны, плановая система хозяйства значительно расширила сферу своего действия. Она охватила уже и великий Китай, и целый ряд других народных демократий Запада и Востока. И этот неудержимо растущий лагерь стран социализма, обняв в своих границах ныне до миллиарда граждан, т. е. значительно больше одной трети всего населения мира, все глубже овладевает системой социалистического планирования, которая стала уже одной из наиболее перспективных **мировых** систем хозяйствования.

Растущему лагерю социализма противостоит ныне уже значительно сузивший свои границы лагерь стран империализма во главе с США. Разделяющие эти капиталистические страны частнохозяйственные интересы и противоречия уже не раз сталкивали их в ожесточенных схватках в погоне за новыми рынками и колониальными владениями. Однако в соревновании с мировой системой социализма они едины. На собственной территории страны этого лагеря располагают ныне уже не более чем 25% населения мира, но, будучи богаче и сильнее других,

они по-прежнему претендуют на мировое господство. Лидеры этого лагеря, по-видимому, вполне оценили многие преимущества плановой системы хозяйства и не прочь бы у себя наладить нечто подобное под названием «управляемого» капитализма. Но их приверженность к своей частной собственности и принципам частнохозяйственной инициативы ставит непреодолимые преграды успешному планированию.

Вне этих двух принципиально чужеродных лагерей, социализма и империализма, остается, однако, еще очень много стран из числа бывших колоний, только что стряхнувших с себя тяжкий гнет метрополий, и других, еще испытывающих этот гнет чужеземной власти и капитала, колониальных и зависимых стран; они охватывают ныне до 40% населения мира. Этот третий огромный антиколониальный лагерь объединен прежде всего общим интересом отстоять свою свободу и экономическую независимость от посягательств агрессивного империализма. Но именно интересы независимости толкают такие страны, с преобладанием мелкого крестьянского хозяйства и тягостным аграрным перенаселением, на путь скорейшей индустриализации. Ждать на этом пути добрососедской помощи из лагеря империализма они не могут. И уже поэтому многие взоры из этих стран обращаются в сторону стран социализма. Беспримерные успехи плановой системы в лагере социализма вызовут, несомненно, действенный интерес к ее применению и во многих странах антиколониального лагеря. Мы знаем, что на этот путь уже вступает, в частности, великая Индия. И эти первые ее попытки можно лишь приветствовать. Не следует лишь в этой области надолго застревать в полумерах на полдороге.

С первого взгляда может показаться, имея в виду некоторые лейбористские опыты планирования в Англии, что это совсем простое и легкое дело. Овладев одной только энергетикой страны в результате национализации угольной промышленности и всех электроцентралей, можно, скажем, подчинить единому плану все механизи-

рованные отрасли труда и производства. Достаточно лишь к нарушителям производственных планов применить такую санкцию, как ограничение подачи топлива или в крайних случаях полное лишение энергии. Но ведь помимо производственных планов необходимы и планы реализации готовой продукции, и строительные планы. Как обеспечить их выполнение в условиях ничем не ограниченной рыночной стихии? Национализация даже всех крупных предприятий с компенсацией их владельцев процентными бумагами или иным способом не лишает их участия в распределении народного дохода. Но сосредоточивая в своих руках, хотя бы на правах рантье, огромную долю общественных накоплений, захотят ли они направлять их на реализацию наличных товарных фондов и на строительство новых предприятий в тех пропорциях, какие предписаны планом, или предпочтут переадресовать свои накопления в другие страны, не стесняющие частную инициативу? Совершенно очевидно также, что такими методами можно сорвать любой план и, создавая опасные диспропорции, вызвать кризис «перепроизводства» в стране, даже с очень низким уровнем потребления.

Логика борьбы за плановое начало подскажет новым демократиям трудящихся и дальнейшие шаги к ликвидации всех тех внутренних социальных противоречий и внешних угроз рациональному планированию, какие еще могут им встретиться на этом пути. Трудно, конечно, предвидеть, как в каждой стране будет решаться эта задача: какими именно мерами, в какие сроки и с какими издержками. Но опыт СССР и других стран социализма свидетельствует, что она вполне разрешима.

ЗАДАЧИ И РЫЧАГИ ПЛАНИРОВАНИЯ

Советский Союз стал первой страной в мире, в которой осуществлены уже все необходимые предпосылки **планового** хозяйства и где народнохозяйственное планирование уже десятки лет является нормальным методом расширенного воспроизводства ее производительных сил.

И потому тот, кто пожелает изучить планирование, не сможет обойти плановый опыт СССР.

Все наиболее характерные особенности советского уклада и советской демократии, ставшие предпосылкой и базой планирования в нашей стране, как известно, подытожены и зафиксированы в Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. В политическом отношении это наиболее последовательная из демократий, известных истории. «Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся»,— гласит статья 3-я Основного Закона. Приведенная статья никого из граждан страны не лишает права участия в этой власти, ибо, согласно статье 12-й Конституции, «труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест». Избирательные права предоставляются всем гражданам старше 18 лет, независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, имущественного или образовательного ценза, оседлости, социального происхождения и прошлой деятельности, кроме умалишенных и преступников, лишенных избирательных прав по суду. Выборы всеобщие, прямые и равные, с тайной подачей голосов (ст. 134—140). Всем гражданам гарантируется свобода слова, печати, союзов, собраний, уличных шествий и демонстраций, а также свобода совести, свобода отправления религиозных культов и антирелигиозной пропаганды (ст. 124—126), неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки (ст. 127—128). Вместе с тем всем гражданам Основной Закон страны обеспечивает «право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством» (ст. 118), право на отдых, ежегодные отпуска с сохранением заработной платы, материальное обеспечение в старости и при инвалидности, бесплатную медицинскую помощь и бесплатность образования, включая высшее (ст. 118—121). Кроме равноправия всех граждан СССР, Конституция обеспечивает полное равноправие и всех народов, насе-

ляющих нашу многонациональную державу. В отличие от царской России, бывшей для всех населяющих ее национальных меньшинств **тюрьмой народов**, советское содружество народов, по Конституции, «есть союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик» (ст. 13), причем полная добровольность вхождения в Союз подчеркивается предоставленным всем его членам «правом свободного выхода из СССР» (ст. 17). Таковы **политические** предпосылки успешного планирования в Советском Союзе.

В качестве **культурных** предпосылок эффективного планирования можно назвать уже ныне немало крупнейших достижений СССР в этой области. Так, например, в царской России число неграмотных превышало две трети всего населения. Ныне в Советской стране неграмотность взрослых давно уже в основном ликвидирована. В царской России во всех школах обучалось менее 10 млн. человек (1914 г.), а к 1956 г. число учащихся в СССР превысило 50 млн. В том числе в одних лишь высших учебных заведениях Союза к 1956 г. насчитывалось свыше 1860 тыс. студентов, т. е. в 2—3 раза больше, чем во всех вузах крупнейших держав Западной Европы, вместе взятых. Книжная продукция СССР в 1955 г. достигла 55 тыс. названий в год при общем тираже свыше 1 млрд. экземпляров. Кроме того, у нас в том же году выходило 7246 газет, т. е. раз в 7 больше, чем в царской России, с общим разовым тиражом в 49 млн. экземпляров на 70 различных языках. В СССР насчитывается свыше 390 тыс. публичных библиотек, из которых одна лишь Ленинская в Москве имеет более 13 млн. книг — раза в 2 больше, чем крупнейшие книгохранилища Вашингтона, Лондона и Парижа. Самым важным культурным достижением в СССР, однако, надо считать воспитание за годы пяти плановых пятилеток своей собственной трудовой интеллигенции, вышедшей из рядов рабочих и крестьян. В СССР насчитывается уже до десятка миллионов советских интеллигентов — ученых, инженеров,

техников, агрономов, врачей, учителей и прочих специалистов. Но что еще важнее, в самой рабочей среде ежегодно вырастают миллионы передовых рабочих — ударников, отличников и новаторов, соревнующихся между собой за высшую производительность и считающих выполнение и перевыполнение планов не только общественным своим долгом, но и делом личной доблести и геройства. Все эти зачатки высшей культуры находятся еще только в процессе своего роста и созревания на базе возрастающих ресурсов всего народного хозяйства. Однако уже эти многообещающие итоги культурной революции служат мощной предпосылкой дальнейшего развития планового хозяйства СССР.

Экономическую основу СССР, гласит статья 4 Конституции, составляет «социалистическая собственность на орудия и средства производства». На ней зиждется вся система планового хозяйства СССР. Именно в ней и заключается наиболее отличительная черта советской экономики. Без этой предпосылки, как уже отмечалось выше, неосуществимо народнохозяйственное планирование. Без нее всякая попытка решить эту задачу окажется покушением с негодными средствами. В советских же условиях планирование является основным методом руководства хозяйством.

«Хозяйственная жизнь СССР,— говорит статья 11 Основного Закона,— определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности».

В этих немногих словах Закона очерчены не только огромная роль плана, призванного **определять и направлять** всю хозяйственную жизнь страны, но и важнейшие конкретные его задачи на данном этапе истории.

В процессе социалистического строительства партия и правительство выдвигали следующие основные задачи народнохозяйственного планирования:

1. Обеспечение самостоятельности и независимости нашего народного хозяйства от капиталистического окружения.

2. Всемерное развитие социалистического производства во всех отраслях народного хозяйства.

3. Недопущение диспропорций в народном хозяйстве и накопление государственных резервов в обеспечение надежного решения этой и всех иных текущих задач.

На разных этапах советского планирования, но всегда при руководящей и решающей в этом деле роли Коммунистической партии выдвигались и другие конкретные задачи. Так, на самых первых порах планирования приходилось, конечно, в результате многолетней войны и блокады больше заботиться о борьбе с голодом, транспортной разрухой и крайним топливным дефицитом, чем об увеличении общественного богатства. Затем на очередь стали задачи восстановления разрушенного войной хозяйства хотя бы в пределах довоенной его мощности. Позже в пятилетках одна за другой последовательно решались еще более крупные хозяйственные задачи. Мы имеем в виду прежде всего такие в **основном** уже решенные задачи, как социалистическая **индустриализация** еще недавно столь отсталой земледельческой страны, **реконструкция** всей индустриальной техники страны на базе электрификации, **коллективизация** мелкого индивидуального сельского хозяйства на базе самой передовой техники и механизации труда, воспитание необходимых для освоения этой передовой техники новых рабочих кадров, коренной подъем жизненного уровня рабочих и крестьян и много других.

В другой стране и в иной хозяйственной обстановке могли бы возникнуть иные конкретные задачи очередных планов. Но при любых конкретных заданиях народнохозяйственного плана и в любой момент важнейшей его задачей **в самом общем виде** остается задача такой расстановки наличных производственных ресурсов и рабочей силы, которая в **оптимальной** степени обеспечила бы бескризисное расширенное воспроизводство социалисти-

ческих отношений и производительных сил страны **возможно быстрыми темпами** в целях **максимального** удовлетворения потребностей всего общества при **минимальных** затратах. Говоря иначе, плановые задачи — это задачи нахождения максимума и минимума определенных хозяйственных функций. Подходя к решению таких задач строго математически, можно было бы усомниться даже в самой возможности их решения. Уж слишком сложный комплекс многообразных факторов, элементов и связей представляет собой современное народное хозяйство, взятое в целом. Не малое число из этих элементов и связующих их закономерностей вообще еще не учтено и не изучено, иные весьма спорны и даже наиболее известные крайне изменчивы. И если бы мы даже сумели связать их в стройную систему уравнений, то это была бы система неопределенных уравнений с избыточным числом неизвестных, не обеспечивающая вполне твердых однозначных решений. Однако, если враги плановой системы хозяйства, исходя из подобных соображений, неоднократно уже пытались сделать вывод, что самая проблема планирования является иррациональной, т. е. принципиально неразрешимой, как неразрешима, скажем, задача трисекции угла или квадратуры круга, то советскую практику планирования никогда не смущали такие схоластические поползновения задержать ее победное шествие.

Задача трисекции угла, действительно, неразрешима, если задаться целью разделить этот угол **математически точно** на три равные части с помощью одной лишь **линейки и циркуля.** Но отбросьте эти самоограничения — и вы убедитесь, что любой художник или архитектор в зарисовке тех или иных орнаментов решает эту задачу с достаточной для его практических целей точностью даже вовсе без циркуля — просто на глаз. То же можно сказать о квадратуре круга и тому подобных якобы заведомо неразрешимых задачах. На практике многие трудности преодолеваются гораздо легче, чем в теории, уже потому, что для практических целей обычно вовсе не требуется та

точность, на которую претендует строгая теория. Известно, например, что астрономия до сих пор не разрешила в **общем** виде даже, казалось бы, столь элементарную задачу, как задача о взаимном воздействии только **трех** тяготеющих друг к другу свободных небесных тел. Однако это не препятствует астрономам предсказывать на базе своих расчетов на много лет вперед затмения солнца и луны с точностью до минут и секунд. Число взаимодействующих сил в народном хозяйстве много больше трех, а траектории их скрещиваний гораздо сложнее тех элементарных кривых, по которым движутся тела небесные. И все же плановые задачи решаются с достаточной для хозяйственных целей точностью, хотя эта точность измеряется не секундами и минутами, а годами и пятилетиями. Однако в подходе к решению плановых и астрономических задач имеется и другое, гораздо более принципиальное различие.

Ученый-астроном, опираясь на известные ему объективные закономерности взаимного тяготения небесных тел, ставит своей задачей, исходя из данного их сочетания в прошлом, предвычислить и предсказать неизвестное нам будущее. Будущее в этой области полностью по законам причинной связи обусловлено прошлым. И задача ученого в данном случае целиком сводится к научному познанию и **предвидению** этого неотвратимого будущего. Ученые-плановики для решения своих задач тоже должны быть вооружены всей суммой знаний о закономерностях исторического процесса и о возможностях развития производительных сил общества. Но в отличие от течения инертных небесных сил живые люди сами творят свою историю. И в составе производительных сил общества наиболее важной, оживляющей все другие, творческой силой тоже являются сами люди в лице одаренных сознанием и волей миллионов трудящихся. **Предугадывать и предсказывать,** по каким именно траекториям, как далеко за данный отрезок времени и с каким эффектом продвинутся **самотеком** на путях хозяйственного прогресса все эти миллионы разрозненных живых сил, было бы слишком

мудреной и неблагодарной задачей. Мудрецы гарвардской школы, тщетно бившиеся над решением подобных задач, могут засвидетельствовать это на основании собственного опыта. Ведь им не удалось ни разу предугадать даже момент наступления очередного хозяйственного кризиса. А о предотвращении его они и не мечтали, конечно. Задачи народнохозяйственного планирования совсем иные.

Оно ставит перед собой и решает **не познавательные** задачи в целях предвидения, а прежде всего чисто прикладные вопросы **хозяйственной политики**, необходимой для активного преодоления всех препятствий, стоящих на пути к намеченной цели. Чтобы не ошибиться в этой политике и не наметить себе утопические цели или слишком окольные к ним пути, мы должны, конечно, следуя указаниям партии, исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности прежде всего из законов развития производства, из законов экономического развития.

Но, несмотря на все значение использования выводов науки в построении наших хозяйственных планов, она все же выполняет в них только строго подчиненную целевым установкам плана служебную роль. Никакая наука не может сама по себе гарантировать не только фактическое осуществление намеченных планом целей, но и **условную** осуществимость их при известных предпосылках. Чтобы осуществить предначертания плана, необходимо **мобилизовать и привести в согласное движение** все производственные ресурсы страны. К мобилизации и организации вокруг определенных задач этих ресурсов, прежде всего **живых** сил всего трудового коллектива страны, и сводится главное назначение народнохозяйственного плана. Можно ли, однако, успешно мобилизовать рабочий класс в наши дни по призыву **враждебной** ему власти и притом во имя **чуждых** ему классовых интересов? Конечно, нет. Вот почему плановое хозяйство возможно лишь в условиях последовательной **рабочей** демократии, обеспечивающей полное единство хозяйствен-

ных задач и интересов всего народа, а вместе с тем безусловное его доверие к избранной им государственной власти и к исходящим от нее хозяйственным директивам.

Лишь там, где соблюдено это условие и народнохозяйственный план в качестве общегосударственного **«задания пролетариату»** [1] встречает общее признание и дружную поддержку рабочих масс, он становится мощным рычагом хозяйственного прогресса. Организуя хозяйственные устремления трудящихся масс, т. е. ориентируя хаотический разнобой их разрозненных усилий в одном направлении, к общей цели и направляя эти усилия в единый волевой поток, план создает новые условия **коллективного** творчества. Объединяя и цементируя людскую россыпь в монолитный таран, бьющий всей своей массой в одну и ту же точку, такой план способен преодолевать величайшие трудности и препятствия. «Надо,— пропагандировал эту идею советской молодежи еще в 1920 г. Ленин,— чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку» [2]. В СССР планы имеют силу обязательного для всех и каждого государственного закона. Но эффективность требований закона, которым подчиняются по принуждению пассивно, не так уж велика. И Ленин, развивая свои идеи генерального плана электрификации России, гораздо больше надежд возлагал на то, что таким планом в условиях советского строя легко **увлечь рабочие массы,** вызвав их к самодеятельности и соревнованию в борьбе за осуществление этого плана. «Повторяю,— писал он в 1920 г.,— надо увлечь массу рабочих и сознательных крестьян **великой** программой на 10—20 лет» [3]. В другом письме в связи с тем же великим планом Ленин подчеркивал, что «самое главное — надо уметь вызвать и **соревнование** и **самодеятельность** масс для того, чтобы они **тотчас** принялись за дело [4].

---

[1] **В. И. Ленин,** Соч., т. 35, стр. 370.
[2] **В. И. Ленин,** Соч., т. 31, стр. 267—268.
[3] **В. И. Ленин,** Соч., т. 35, стр. 370.
[4] Там же, стр. 399.

Как известно, Ленин не ошибся в своих надеждах. Великая программа электрификации, рассчитанная на 10—20 лет, в процессе выполнения плановых пятилеток, уже через 15 лет, т. е. к концу 1935 г., ознаменованного новым подъемом соревнования и самодеятельности рабочих масс, была превзойдена в 3 раза.

Развивая мысль Ленина о том, что план является государственным заданием пролетариату, И. В. Сталин определил характер советских хозяйственных планов: это — «не планы-прогнозы, не планы-догадки, а планы-**директивы**, которые **обязательны** для руководящих органов и которые **определяют** направление хозяйственного развития в **будущем** в масштабе **всей** страны» [1]. Конечно, во всяком плане имеются и такие элементы, которые заранее поддаются учету и предвидению с достаточной точностью, как, например, нормальный прирост населения за одно пятилетие. Но в общем в основе народнохозяйственного плана всегда лежит **директивная целевая установка, за осуществление** которой нужно еще бороться. Именно поэтому осуществление такой цели в определенные сроки невозможно предвидеть и предсказать, подобно лунному затмению, наступающему независимо от нашей воли и усилий. А если бы такие «прогнозы» были возможны, то отпала бы всякая надобность в планировании. Смешно ведь было бы «планировать», скажем, более удобные сроки морских приливов и отливов в интересах мореходства или организовать планомерную борьбу против затмений солнца. Наши планы содержат только осуществимые директивы, но все же это только директивы, требующие для своей реализации от всех исполнителей плана немалых затрат волевой энергии и труда.

Эффективность плана в огромной мере определяется более или менее удачным выбором тех средств, какие предуказаны в плане для реализации намеченной в нем конечной цели. «Сущность плана,— говорил В. В. Куйбышев,— именно в том и состоит, что он должен показать

---

[1] **И. В. Сталин**, Соч., т. 10, стр. 327.

не только то, чего нужно достичь в конечном счете, но также показать, как это сделать, каковы рычаги выполнения плана и как должно развертываться выполнение во времени и пространстве»[1].

Чтобы выполнить это требование одного из авторитетнейших шефов советского планирования, нужно хорошо знать все условия и факторы производства и всю цепь причинных связей, которая от наличных средств, рычагов и приводов может привести к намеченной планом цели. Важнейшими **рычагами** выполнения плана являются, конечно, те рабочие кадры, которые приводят его в движение. Обеспечить каждое задание плана рабочей силой в соответствии с намеченной производственной программой в необходимой пропорции, количестве и качестве — это основная задача составителей плана. Но рабочие кадры для своего роста при непрерывном подъеме эффективности своего труда должны быть обеспечены все возрастающей массой средств существования и орудий труда. А для этого, помимо **производственной,** необходимо предусмотреть в плане и специальную **строительную** программу, которая должна обеспечить последовательное включение в работу новых производственных мощностей, а также освоение все более высокой техники и все более мощной энергетической базы. Чтобы увязать воедино проектировки производственных и строительных заданий и проверить их реальность сопоставлением потребных вложений с возможными накоплениями за соответствующий период, необходимо предусмотреть в плане и еще одну — **финансовую** программу с учетом бюджетных и кредитных возможностей и перспектив денежного обращения. Вместе с тем каждое задание плана должно иметь точный адрес и срок выполнения, т. е. прямое указание, на какие именно органы в центре или на местах возлагается ответственность за его исполнение и в какие именно сроки оно должно быть выполнено. Для этого пятилетний план разбивается на годовые

[1] В. Куйбышев, О второй пятилетке. Доклад на XVII конференции ВКП(б), Партиздат, 1932, стр. 164.

отрезки, а уточненные годовые планы — на квартальные отрезки и т. д., вплоть до суточных и даже часовых графиков производственных заданий, которые составляются, конечно, уже только на местах плановыми ячейками каждого завода в отдельности.

Составление и развертывание во времени и пространстве такого народнохозяйственного плана не может получить свое завершение в бюрократическом творчестве какого-либо одного планового центра, не говоря уже о тех поправках, необходимость которых может выясниться только в процессе его выполнения. «Для нас, для большевиков,— учит партия,— пятилетний план не есть нечто законченное и раз навсегда данное. Для нас пятилетний план, как и всякий план, есть лишь план, принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех тех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т. д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа **заканчивается** составлением плана. Составление плана есть лишь **начало планирования.** Настоящее плановое руководство развертывается лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана» [1]. Какие же рычаги и приводы в советских условиях призваны обеспечивать реальность такого плана?

Коммунистическая партия учит, что производственная программа реальна хотя бы потому, что имеются все необходимые условия для ее осуществления. Она реальна потому, что ее выполнение зависит исключительно от нас самих, от нашего умения и нашего желания использовать имеющиеся у нас богатейшие возможности. Было бы глупо думать, что производственный план сводится к

---

[1] **И. В. Сталин,** Соч., т. 12, стр. 347.

перечню цифр и заданий. На самом деле производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей, творящих новую жизнь.

Такие рычаги выполнения планов, как воля к труду миллионов трудящихся и решимость их, направленная на осуществление этих планов,— это действительно серьезнейшая гарантия реальности планов в условиях СССР. В других странах тоже, пожалуй, не трудно было бы составить хозяйственный план с богатейшим перечнем цифр и заданий. Но чем можно было бы заставить предпринимателей финансировать такой план в части заданий, направленных в интересах рабочих? И чем можно было бы обеспечить волю к труду и готовность выполнять этот план со стороны миллионов рабочих по линии тех заданий, какие идут вразрез с интересами рабочих, на пользу одних лишь частных предпринимателей? При крайней противоречивости интересов этих потенциальных исполнителей плановых заданий такой план ни в одной из стран капитализма не вызвал бы особого с их стороны энтузиазма, оставаясь продуктом весьма бесплодного бумажного творчества. Совсем иначе складываются условия планирования в СССР. Подводя итоги советскому опыту в этом отношении почти за весь довоенный период развития СССР, В. М. Молотов в 1939 г. так резюмировал этот многолетний опыт: «У нас есть моральное и политическое единство народа, у нас есть великая дружба народов Советского Союза,— планы же дают нам **единство воли и единство цели во всем народном труде,** во всей нашей работе... Работать по плану — значит знать, что нужно делать и для какой цели. Планы превратились в нашей стране в незаменимую организующую силу. Поэтому выполнять принятый план стало делом чести трудящихся СССР» [1].

Искусство планирования в СССР, как и многое другое, находится еще в процессе своего роста. Мы не предъ-

---

[1] **В. Молотов,** Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР, Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 49. (Подчеркнуто мной.— **С. С.**)

являем к нему преувеличенных требований полной оптимальности решения всех плановых задач. Мы можем, однако, вполне удовлетвориться уже и тем, что с каждым годом все больше приближаемся к этой оптимальности наших плановых построений, тем самым ежегодно повышая общую эффективность производительных сил СССР.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ

Организация планирования в СССР складывалась, развивалась и укреплялась в течение целого ряда лет в меру одновременного роста и созревания тех предпосылок, без наличия которых нельзя мыслить законченной плановую систему хозяйства. Пришедшее к власти в результате Октябрьской революции 1917 г. Советское правительство во главе с Лениным, как известно, не торопилось с обобществлением всех средств производства и «не декретировало» социализма, понимая, что плановая система хозяйства «может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс **научится управлять**, когда упрочится авторитет рабочих масс» [1]. И потому в качестве самой начальной школы массовой рабочей самодеятельности в области хозяйственного управления, по предложению Ленина, были созданы первые органы «рабочего контроля» над производством. Фабрикантов не лишали их собственности, не отрешали от управления их предприятиями и не покушались на их доходы от этих предприятий. Их только подчинили контролю специальных рабочих организаций, созданных для этого на каждом предприятии в обеспечение нормальной работы, а также в предотвращение саботажа предпринимателями советского законодательства. «Положение о рабочем контроле» было издано уже 14/27 ноября 1917 г. В стране с исключительной быстротой в центре и на местах сорганизовалась широкая сеть Советов рабочего контроля с

[1] **В. И. Ленин**, Соч., т. 28, стр. 119. (Подчеркнуто мной.— **С. С.**)

периферийными ячейками на всех крупнейших предприятиях страны. Однако уже это мероприятие Советской власти встретило самое ожесточенное сопротивление предпринимателей. Не желая поступиться своей бесконтрольностью, организация фабрикантов и заводчиков заявила напрямик правительству, что она «признала необходимым в случае предъявления в предприятиях требований о введении рабочего контроля такие предприятия закрывать».

Рабочее правительство не могло, разумеется, отступить перед этой угрозой локаутом, который в стране, уже и без того обескровленной многолетней войной, явился бы прямой государственной изменой своему народу. Оно оказалось достаточно сильным, чтобы сломить организованный предпринимателями и финансирующими их частными банками преступный саботаж. Но в процессе этой борьбы пришлось по необходимости **национализировать** предприятия, брошенные владельцами, и передать их в управление рабочих. К счастью, оказалось, что рабочие правления справляются с этой задачей в большинстве случаев не хуже своих бывших хозяев. Нашлось также немало инженеров, которые не за страх, а за совесть помогли в этом рабочим. И мало-помалу число обобществленных таким образом предприятий все возрастало. За первые семь месяцев Советской власти, впрочем, таких предприятий, национализированных от случая к случаю, в порядке пресечения явного саботажа, оказалось 512.

Чаще всего их обобществление осуществлялось явочным порядком, снизу, самими рабочими, когда они в процессе рабочего контроля убеждались, что хозяева сознательно разваливают работу предприятия. Центральной власти в этих случаях оставалось лишь оформлять и упорядочивать эти проявления самодеятельности рабочих низов. Но саботаж заводчиков, приняв лишь более замаскированные формы, не прекращался. В связи с этим 28 июня 1918 г. был впервые издан **общий** декрет о национализации до 2000 крупнейших предприятий,

с основным капиталом в разных производствах от 300 тыс. до 1 млн. руб. и выше.

Объявляя эти предприятия **достоянием республики,** декрет разрешал все же их бывшим владельцам-миллионерам не только по-прежнему **управлять** национализированными предприятиями, но и пользоваться при условии финансирования их за собственный счет и **всеми от них доходами на прежних основаниях.** Таким образом, бывшие фабриканты оказывались на весьма льготном положении не то бессрочных арендаторов без уплаты аренды, не то директоров предприятий, оплачиваемых всей суммой чистой прибыли, с одним лишь обязательством — хозяйничать в пределах общегосударственных планов производства и распределения соответствующей продукции. Иными словами, за ними по существу сохранялись по-прежнему все важнейшие хозяйские прерогативы. В сущности говоря, совладельцы современных трестов и концернов в передовых странах Запада едва ли пользуются бо̀льшими хозяйственными правами на свою обобществленную в этих капиталистических объединениях собственность. И все же эта интереснейшая попытка Советского правительства примирить интересы частного капитала с настоятельнейшими требованиями рационального **планового** хозяйства не увенчалась успехом. Это была попытка организовать плановое хозяйство на базе **государственного капитализма.** И глава Советской власти Ленин в 1918 г. шел на это вполне сознательно. Оценивая обстановку момента, он утверждал, что «государственный капитализм был бы для нас шагом вперед», что «государственный капитализм есть шаг к социализму», и приглашал своих соратников «учиться социализму у организаторов трестов». Еще в апреле 1918 г., за два месяца до издания декрета от 28 июня, Ленин защищал в своем докладе «Об очередных задачах Советской власти» следующий тезис: «Только развитие государственного капитализма, только тщательная постановка дела учета и контроля, только строжайшая организация и трудовая дисциплина приведут нас к социа-

лизму»[1]. Однако одного лишь желания рабочих учиться у своих бывших хозяев искусству хозяйственной организации было недостаточно. Надо было еще, чтобы и **хозяева** «хотя бы за хорошую плату» возымели охоту обучать этому делу бывших своих рабочих. Такой охоты у них вовсе не оказалось. И попытка **миролюбивого** разрешения этой острой организационной проблемы была сорвана.

Господа миллионеры из бывших хозяев не пожелали и на самых почетных для себя условиях взяться вполне лояльно за предложенную им работу. В условиях разгоревшейся гражданской войны и вооруженных интервенций извне они все решительнее включались в дело контрреволюции, и их волей-неволей пришлось постепенно заменять более надежными, хотя и менее опытными «красными директорами» из числа наиболее передовых рабочих, прошедших школу рабочего контроля. Хотя и с огромными усилиями эти «красные директора», опираясь на доверие и поддержку рабочих масс, как показывает опыт истории, все же неплохо справились со своими задачами. Без всякой помощи со стороны бывших миллионеров нам удалось организовать и целую систему государственных трестов, объединенных Высшим советом народного хозяйства — этим первым планирующим центром Советской республики, созданным по декрету от 2 декабря 1917 г. Этому успеху в большой степени содействовала высокая концентрация российской промышленности, еще до революции 1917 г. превзошедшая степень концентрации даже в таких передовых форпостах капитализма, как США. Охватив своими трестами менее 5% наличных в стране промышленных предприятий, ВСНХ уже в 1918 г. контролировал и определял более 50% всей индустриальной продукции республики. К этому нужно прибавить, что все железные дороги, казенные и частные, по условиям войны еще до революции находились в государственном управлении. Частные банки, фи-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 264.

нансировавшие контрреволюцию, были ликвидированы уже 14 декабря 1917 г., и Государственный банк в руках Советов оказался монопольным, **единственным в стране** органом финансирования и банковского контроля всего народного хозяйства. В условиях мирного труда таких предпосылок и рычагов планирования оказалось бы вполне достаточно для здорового развертывания планового хозяйства. Но на путях к нему приходилось преодолевать еще все бедствия гражданской войны и блокады. Тем более показательно, что, несмотря на все трудности ожесточенной борьбы на два фронта — и против всех сил контрреволюции, и на фронте хозяйственной разрухи — советский рабочий класс вырастил свою собственную интеллигенцию и руками своих собственных хозяйственников и инженеров организовал образцовое плановое хозяйство.

Великий Ленин еще в марте 1918 г. ставил перед страной такие организационные задачи в области планирования: «Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в **единую крупную машину, в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом,**— вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи»[1]. Эту задачу невозможно было решить вполне удовлетворительно в условиях ожесточенной гражданской войны. Правда, рабочий класс выиграл все же эту войну, сосредоточив все свои скудные силы на одной единственной задаче: «Все для победы!». Но тем более тяжелый урон и разруху пришлось ему к концу этой победоносной войны испытать на хозяйственном фронте. Только с завершением этой войны и ликвидацией порожденного ею бандитизма в разоренной стране к началу 1921 г. все ее живые силы снова обратились к решению важнейших задач хозяйственного планирования. Первым почином в этом деле был разработанный еще к

---

[1] **В. И. Ленин**, Соч., т. 27, стр. 68. (Подчеркнуто мной.— **С. С.**)

концу 1920 г. особой комиссией и доложенный на VIII съезде Советов Г. М. Кржижановским знаменитый план электрификации России, или так называемый план ГОЭЛРО. А затем 22 февраля 1921 г. с утверждением «Положения о государственной общеплановой комиссии», именуемой сокращенно **Госпланом**, получила свое начало и вся действующая доныне система плановых органов Союза.

К этому времени Высший совет народного хозяйства стал выполнять роль руководящего центра только в отношении обобществленной промышленности и потерял уже свое значение общепланового органа. В дальнейшем в связи с быстрым ростом советской промышленности и разукрупнением этого слишком разросшегося наркомата на ряд специальных, по важнейшим отраслям индустрии, он и вовсе прекратил свое существование. Заменивший его Госплан Союза по «Положению» от 21 марта 1941 г. стал «постоянной комиссией Совета Народных Комиссаров Союза ССР» (пункт 1). Никакими административными полномочиями эта скромная вневедомственная комиссия не пользовалась. Но, являясь экономическим штабом страны, подготовляющим для решающих инстанций проекты важнейших хозяйственных директив, Госплан пользовался и пользуется громадным авторитетом. В его компетенцию по «Положению» 1941 г. входили следующие функции: «Госплан а) разрабатывает и представляет на утверждение Совета Народных Комиссаров Союза ССР [1] народнохозяйственные перспективные, годовые, квартальные и месячные планы; б) представляет в Совет Народных Комиссаров Союза ССР заключения по перспективным, годовым, квартальным и месячным планам, представляемым наркоматами, ведомствами Союза ССР и союзными республиками; в) проверяет выполнение утвержденных Совнаркомом СССР народнохозяйственных планов Союза ССР; г) разрабатывает по заданиям Совета Народных Комиссаров Союза ССР и по своей

[1] С марта 1946 г.— Совета Министров Союза ССР.

инициативе отдельные проблемы социалистического хозяйства; д) руководит делом социалистического учета в СССР».

В своей работе по планированию народного хозяйства в территориальном разрезе Госплан Союза опирается на целую сеть сотрудничающих с ним периферийных плановых органов. Ближайшим к Госплану Союза плановым звеном в этой сети являются республиканские госпланы, следующим — областные плановые комиссии, или облпланы, и последним звеном низового планирования в городах — горпланы, а в сельских районах и центрах — райпланы. Вся эта сеть, обслуживая **территориальный разрез** планирования, обеспечивает в то же время плановому центру возможность не оставлять вне поля своего внимания и без необходимой поддержки местной инициативы даже самый удаленный и захолустный участок народного хозяйства страны. Было бы крайним бюрократизмом пытаться спланировать из единого центра деятельность всех хозяйственных ячеек страны, вплоть до последней коммунальной парикмахерской или колхозной бани, на всем протяжении Союза, обнимающего одну шестую мира. Трудная, но очень благодарная задача — сочетать необходимое единство плана по всей многонациональной федерации народов СССР с требованиями возможно полной автономии, широкой самодеятельности и свободной инициативы всех республиканских, областных и низовых самоуправлений — разрешается здесь в духе демократического централизма совсем не плохо.

Все объекты планирования подразделяются по своему народнохозяйственному значению на предприятия союзного, республиканского и местного подчинения, включаясь, таким образом, в компетенцию соответствующих органов общесоюзного и республиканского совнаркомов [1], а также областных и низовых самоуправлений и руководящих ими Советов депутатов трудящихся. В пределы ведения **союзных** органов входят при этом, например, все

[1] С марта 1946 г.— Советов Министров.

железные дороги, крупнейшие электростанции, металлургические тресты и комбинаты и другие объединения тяжелой индустрии, а также все иные объекты планирования, подобные кузнецкому углю или среднеазиатскому хлопку, местное производство которых, определяясь масштабами потребления всего Союза, далеко выходит за пределы компетенции отдельной области или даже республики. Ведению **республиканских** органов подчинены менее крупные тресты и предприятия, обслуживающие преимущественно средствами существования население данных республик, а также вся школьная и больничная сеть и все прочие объекты культурно-бытового назначения. Ведению областных и низовых самоуправлений подведомственны все коммунальные предприятия, учреждения общественного питания и бытового обслуживания, вплоть до бань и парикмахерских, ремонтных, пошивочных и починочных мастерских, а также целый ряд иных мелких и мельчайших предприятий по первичной переработке сельскохозяйственного сырья и т. п. Таким образом, на всех, даже самых первых, ступенях самоуправления на местах как при составлении хозяйственных планов по соответствующему кругу предприятий, так и в процессе рассмотрения их и одобрения в местных Советах широкому активу трудящихся предоставляется вся полнота хозяйственной самодеятельности и творческой инициативы. И в то же время никакая опасность не угрожает и необходимому единству народнохозяйственного плана, взятого в целом, что обеспечивается возможностью внесения необходимых коррективов при окончательной сводке и увязке всех территориальных планов в общегосударственном сводном плане народного хозяйства.

Территориальный разрез планирования восполняется отраслевым, для чего при всех отраслевых министерствах в помощь Госплану Союза имеются свои ведомственные плановые управления и отделы как в центре, так и на местах, вплоть до плановых ячеек во всех трестах и отдельных предприятиях. Основная задача всей этой ступенчатой системы плановых ячеек заключается в том,

чтобы общие плановые директивы Госплана в суммарных заданиях каждому ведомству в целом конкретизировать и развертывать по всем его объединениям и трестам, спустить до каждого отдельного хозяйства или завода и цеха, довести до каждой рабочей бригады и звена, до каждого станка и трактора. Доведенные таким образом до сведения всех рабочих задания плана обсуждаются затем на производственных совещаниях каждого цеха или иного низового коллектива. И здесь сами рабочие, зная свой участок труда лучше любого профессора, вносят целый ряд практических предложений, направленных к тому, чтобы выполнить намеченные задания в срок, а если можно, то и раньше срока, сэкономив еще при этом кое-что и на сокращении брака, и за счет снижения заданных планом норм расходования сырья и топлива. В условиях СССР каждый рабочий знает, что всякий успех планового хозяйства, помимо всего иного, ведет к подъему благосостояния всех трудящихся, и уже поэтому готов охотно содействовать этому успеху. В борьбу за план, таким образом, вовлекаются миллионы трудящихся, и он становится великой организующей силой.

Чтобы привлечь в должной мере к творческому участию в этой борьбе за план в союзе с трудом и науку, при Госплане Союза организован специальный Совет технико-экономической экспертизы, который призван служить непосредственным приводом от науки к труду для повседневного внедрения в плановое хозяйство всех достижений передовой науки и техники, как советской, так и зарубежной. Включая в свой состав крупнейших ученых страны и опираясь в своей текущей работе на аналогичные технические советы всех ведомств и на все научно-исследовательские учреждения Союза, этот Совет обслуживает весьма ответственный участок народнохозяйственного планирования. Без его компетентной экспертизы, в которой дается не только объективная оценка достоинств, но вместе с тем выправляются все наличные дефекты технических проектов, не осуществляется ни одно новое крупное строительство в СССР. В то же время на

обязанность Совета возложено ежегодное составление на основе выдвигаемых ведомствами предложений сводного технического плана совершенно конкретных мероприятий по освоению технических изобретений и внедрению передовой техники во все отрасли народного хозяйства. А в 1945 г. Совету технико-экономической экспертизы в тесном сотрудничестве с техническими советами всех ведомств пришлось поработать над техническим планом и более длительного действия, на целую пятилетку. В связи с предстоявшим восстановлением разрушенных войной предприятий такой перспективный план технических мероприятий, несомненно, позволил избежать многих ошибок восстановительного строительства без попутной реконструкции и модернизации наиболее отсталых и вовсе устаревших производственных методов и конструкций. А вместе с тем эти технические планы, составляя неотъемлемую часть общегосударственных планов развития народного хозяйства СССР, обеспечили ему на базе **активной технической политики** все возрастающий уровень технической оснащенности производства и небывалые еще темпы роста производительности труда.

Одной из важнейших задач в организации планирования является также проверка исполнения планов. Еще Петр Первый говорил: «Всуе законы писать, если их не исполнять». Но законы — это прежде всего запреты, рассчитанные на пассивное им подчинение. Их достаточно не нарушать. А планы — это директивы. Они требуют активного, притом срочного исполнения. Всякая просрочка в выполнении плана является столь существенным нарушением его требований, что ее приходится квалифицировать как невыполнение плана. Поэтому проверка выполнения планов, т. е. повседневное наблюдение за ходом их выполнения и срочная сигнализация о всех моментах, тормозящих это выполнение, для срочного вмешательства в этот ход и устранения тормозящих препятствий или выправления замеченных дефектов плана на ходу,— это одна из самых существенных гарантий оперативности советского планирования. Для этой цели в СССР имеется

прежде всего Центральное статистическое управление с разветвленной по всей стране сетью статистического наблюдения за ходом выполнения плановых заданий. Однако и самая срочная отчетность о динамике всех показателей развития хозяйства и выполнения плановых заданий была бы еще недостаточной для этой цели. Конъюнктурные обзоры хозяйства практикуются и на Западе, но, фиксируя лишь стихийные колебания конъюнктуры, они там ничему, кроме форсирования самых рискованных спекуляций в моменты подъема и усиления паники в моменты упадка, со всеми бедственными последствиями такого развязывания стихий, служить не могут. В условиях СССР срочная статистика, являясь орудием организованного контроля за ходом выполнения планового задания, служит гораздо лучшему назначению, так как, приводя в движение мощные рычаги планирования, не развязывает, а ограничивает и обуздывает воздействие стихийных факторов.

Главнейшей задачей Госплана СССР, согласно его «Положению» 1941 г., является обеспечение в плане народного хозяйства правильных соотношений в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению «диспропорций в народном хозяйстве». В связи с этим на Госплан возлагается задача увязки в плане работы смежных отраслей производства, добывающей и обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и индустрии, транспорта и народного хозяйства, увязки роста производства и роста потребления, финансирования производства и его материального обеспечения и осуществления правильного районного размещения предприятий, исходя из необходимости ликвидации излишне дальних и встречных перевозок, а также в целях приближения вновь создаваемых предприятий к источникам сырья и к районам потребления их продукции.

Для осуществления этих задач в структуре Госплана были предусмотрены целый ряд отраслевых и функциональных отделов и несколько специальных управлений. Среди отраслевых отделов самая большая группа их

обслуживает планирование промышленности, с подразделением ее, соответствующим наличию индустриальных ведомств. Сюда входили, в частности, отделы: черной металлургии, цветной, тяжелого машиностроения, среднего машиностроения, станкостроения, электропромышленности, легкой промышленности и т. д. Другие группы отраслевых отделов обслуживали планирование сельского хозяйства, транспорта, коммунального хозяйства, внешней торговли, внутреннего товарооборота и прочих отраслей хозяйства и культуры.

Составленные в министерствах и других оперативных ведомствах проекты планов поступают сначала в отраслевые отделы Госплана для предварительной проверки и уточнения намеченных масштабов и темпов развития каждой отрасли в отдельности, а затем передаются в функциональные отделы для дальнейшей, уже **межотраслевой** взаимной увязки, синтеза и доработки. В функциональных отделах труда, финансовом и сводном отделе материальных балансов проверяется обеспеченность всех отраслевых планов, взятых в их совокупности, необходимой для них рабочей силой, бюджетными и кредитными ресурсами, а также всеми видами материального снабжения в натуре. Окончательная сводка и аналитическая обработка всех планов завершается в сводном отделе народнохозяйственного плана.

Здесь уже получается общая картина масштабов роста всего народного дохода страны в целом и его распределения между потреблением и накоплением, определяется возможный рост фонда зарплаты и масштабов вложений в народное хозяйство, в культурное строительство и на очередные оборонные задачи. Выяснив, в какой мере эти результаты сводки соответствуют **целевым установкам плана**, выявив все неувязки плана и разногласия отделов Госплана с оперативными ведомствами, сводный отдел намечает ряд необходимых поправок к проектировкам ведомств и отделов Госплана и вносит сводный план со всеми своими соображениями на рассмотрение и одобрение Госплана.

Госплан разрешает все выявленные разногласия, как внутри Госплана, так и с оперативными ведомствами, устраняя все неувязки плана и добиваясь при этом возможного согласования своих предложений со всеми ведомствами, которым предстоит выполнять данный план. Только после этого весь план с оставшимися возражениями ведомств поступает на рассмотрение и утверждение Совета Министров, а в надлежащих случаях и Верховного Совета Союза.

В составе Госплана имелись еще Управление **районного планирования** [1], куда поступали проектировки республиканских и областных плановых комиссий в отношении подведомственного им местного хозяйства, Управление по **распределению материальных фондов** [2], где проектировались планы снабжения ведомств металлом, топливом, стройматериалами и оборудованием, и Управление **подготовки и распределения рабочей силы** [3], ведавшее планами организованного набора, подготовки и перераспределения рабочей силы. Проектировки всех этих управлений тоже входили в общий план и после одобрения Госпланом подлежали утверждению правительством.

В таком виде организация планирования в СССР сложилась еще до войны 1941—1945 гг. Но с тех пор дальнейшее расширение масштабов и функций планирования потребовало известных преобразований и в его организационном аппарате. Раньше всего из состава Госплана были выделены в самостоятельные учреждения Центральное статистическое управление, а также специальные органы, ведающие государственными резер-

---

[1] Ныне — Отдел размещения производительных сил и комплексного развития экономических районов и Отдел развития хозяйства союзных республик.

[2] Ныне — Сводный отдел материальных балансов и государственных резервов в Госплане и Сводный отдел балансов и планов снабжения в Госэкономкомиссии СССР.

[3] Ныне — Отдел трудовых ресурсов и производительности труда в Госплане и Отдел планирования труда и заработной платы, а также отделы учета и распределения рабочей силы и организованного набора рабочих в Госэкономкомиссии.

вами, материальным снабжением ведомств и планированием новой техники. А затем в 1955 г. потребовалось и дальнейшее разделение функций ставшего слишком громоздким аппарата Госплана по линии текущего и перспективного планирования.

Весь опыт Госплана с первых же лет его существования свидетельствовал, что повседневные проблемы текущего оперативного планирования, как не терпящие отлагательства злобы дня, отвлекают внимание Госплана от еще более важных, но менее срочных задач составления многолетних перспективных планов. Именно такая повседневная «текучка» привела к тому, что первый пятилетний план Госплана Союза на 1927/28—1932/33 гг. потребовал для своей подготовки свыше шести лет с момента организации Госплана. А между тем текущие квартальные и годовые планы без надлежащей увязки с хорошо продуманной строительной программой многолетнего действия, т. е. без надлежащей перспективы дальнейшего роста, обречены лишь на мелкое штопание наиболее зияющих и бьющих в глаза прорех или на весьма рискованные эксперименты, без достаточной гарантии их эффективности.

Конечно, теснейшая увязка текущего планирования с перспективным совершенно обязательна, но слишком тесное объединение этих видов планирования в едином аппарате отнюдь не обязательно. Задачи их весьма различны и требуют очень четкого **разделения ответственности** за своевременное и полноценное выполнение каждой из них. В этих целях из состава прежнего Госплана в настоящее время выделена в особое учреждение Государственная экономическая комиссия со специальными задачами текущего планирования, обеспечения государственных планов необходимыми материальными ресурсами и оперативного решения вопросов, возникающих в ходе выполнения планов. И, таким образом, на Госплан в качестве основной его задачи возложены лишь работы по проектированию и обоснованию **перспективных,** пятилетних, и так называемых **генеральных** — на 15—20 лет — пла-

нов народнохозяйственного развития СССР. Кроме того, весьма важные специальные задачи по вопросам организации труда и текущему обновлению техники в СССР возложены на вновь организованный Государственный комитет по труду и заработной плате и Государственный комитет по новой технике, которые выполняют ответственные функции в определении экономической и технической политики народнохозяйственного планирования.

После второй мировой войны в связи с возникновением ряда новых социалистических держав перед нами встают и новые задачи планирования. Каждая из этих держав в отдельности, как вполне суверенное государство со своими особыми интересами и совершенно самостоятельными органами народнохозяйственного планирования, может по-своему обслуживать национальные потребности. Но в качестве сочленов единого лагеря социализма, поставившего перед собою задачу мирного экономического соревнования с противостоящим ему лагерем империализма, все страны социализма объединяются между собою в этом соревновании и многими **общими** для всех них важнейшими интересами. В их числе на первом плане стоят, конечно, интересы такого **международного разделения труда** в пределах всех стран социализма, какое может обеспечить им при взаимной братской помощи наиболее быстрый и мощный **общий подъем** производительных сил и уровня благосостояния трудящихся. А такая задача, естественно, предполагает постоянную координацию народнохозяйственных планов этих стран. Результаты такой плановой координации в нашей практике, как известно, закрепляются в международных торговых и прочих договорах и реализуются органами внешней торговли в международном обмене благ и услуг. Однако эта новая и весьма перспективная область планирования находится еще в начальной стадии своего развития.

Такова в общих чертах организация планирования в СССР.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ

Методология планирования выросла из советской практики управления общественным хозяйством. Ни с одной кафедры в мире такая научная дисциплина не преподавалась. Ни из каких учебников, за отсутствием таковых, научиться ей не было возможности. И советским практикам пришлось обучаться науке планирования на опыте собственных своих промахов и ошибок, обнаруживая их и выправляя на ходу. Вскоре, однако, выяснилось, что даже самое несовершенное плановое хозяйство все же много эффективнее того совершенного хозяйственного хаоса, какой является уделом всех стран, придерживающихся принципа так называемой «свободной конкуренции» и пропагандирующих мировой порядок, в котором «человек человеку — волк», а беспощадная борьба каждого против всех и всех против каждого расценивается как высшее проявление хозяйственного разума. Во всяком случае нельзя оспаривать общеизвестного факта, что крайне отсталое и разоренное войнами российское хозяйство в руках Советов с первых же шагов народнохозяйственного планирования стало быстро подниматься в гору, догоняя и перегоняя одного за другим далеко опередивших его в прошлом мощных соседей.

На различных ступенях хозяйственного роста Союза перед Госпланом возникали и по мере накопления планового опыта разрешались весьма различные и притом все более сложные методологические проблемы, в связи с чем и сама методология планирования прошла уже немалый путь своего развития. Не задерживаясь на всех ступенях этого развития, коснемся двух-трех поучительных уроков прошлого из опыта самых начальных шагов советского планирования.

В первых проектировках планов восстановительного периода чувствуется явная недооценка возможностей планового хозяйства. Составители этих планов, в большинстве своем крупные хозяйственники и инженеры старой,

дореволюционной школы, на первых порах не особенно еще верили в прочность советского строя. Тем с большим запасом «прочности» и сугубой осторожностью, дорожа своей репутацией специалистов, проектировали они темпы возрождения и оздоровления новой и еще чуждой им большевистской России. Психология прошлого настолько давила на их сознание, что они никак не могли себе представить восстановление разрушенного хозяйства России, хотя бы до предвоенных его масштабов 1913 г., без очень солидных займов за границей или концессионных вложений зарубежного капитала. Так, например, в одном из самых первых, впрочем, забракованном еще в недрах самого Госплана проекте пятилетки намечался прирост планируемой индустриальной продукции с 1922/23 по 1927/28 г. на 182%, что представлялось ее составителям верхом оптимизма. А между тем фактический прирост продукции за те же годы достиг 318%. Вместе с тем, не ожидая никаких внутренних накоплений промышленности за всю пятилетку, авторы ее требовали бюджетных дотаций государственной промышленности в размере 443 млн. руб. К большому конфузу неудачливых составителей этого плана оказалось, что фактически удалось вложить в промышленность за эти годы вместо 443 млн. не менее 4304 млн. руб. И все же никаких дотаций не потребовалось, так как собственные накопления промышленности за счет чистой прибыли и амортизационных отчислений, достигнув за это время 4355 млн. руб., с избытком перекрыли сумму вложений. Не более удачным оказался первый опыт транспортной пятилетки на те же годы, по которой прирост грузооборота за пять лет проектировался всего на 50%, а приходо-расходный баланс сводился с дефицитом в 107 млн. руб. На деле же прирост грузооборота железных дорог достиг 160%, а вместо дефицита получился чистый доход в 1007 млн. руб.

Составители этих первых опытов перспективного планирования, забракованных не только Госпланом, но и советской действительностью, несколько лет спустя, уже

по завершении восстановительного периода, так характеризовали этот период своей работы: «При участии наркоматов, главным образом ВСНХ и НКПС, мы, члены Госплана, специалисты — инженеры, экономисты — составляли ежегодные планы восстановления народного хозяйства и **с недоумением наблюдали, как жизнь неизбежно и каждый год опережала наши планы»** [1]. Некоторые из этих специалистов, таившие еще в груди слабые надежды на реставрацию старого строя, встретили эти успехи советского хозяйства не только с недоумением, но и с большим огорчением и озлоблением. Зато большинство других, окрыленные ими, с еще большим воодушевлением и подъемом продолжали свою работу по укреплению плановой системы хозяйства.

Известная недооценка возможностей этой системы на заре планирования наблюдалась, однако, не только в забракованных Госпланом черновых проектировках плановых заданий, но и в ряде законченных планов, одобренных всеми инстанциями. Напомним, что даже в историческом плане электрификации России, вдохновленном гением Ленина, наряду с поистине великими для того времени заданиями запроектирован был и угрожающий им всем огромный дефицит в размере 6 млрд. руб. золотом, который предстояло покрыть путем концессий и займов за границей. Зарубежный капитал, однако, как известно, отнюдь не проявлял особой охоты помочь советскому пролетариату восстанавливать его хозяйство. Эту помощь можно было бы купить, по-видимому, только ценой отказа от всех завоеваний Октябрьской революции. А на это никак не мог уже согласиться только что отбивший последние атаки внутренней контрреволюции и международных интервенций победоносный русский рабочий. И план ГОЭЛРО на время повис в воздухе. Кое-кто его вышучивал, именуя электро**фикцией.** Кое-кто все еще ждал, когда же наконец, советские послы придут на

---

[1] См. **С. Г. Струмилин,** Проблемы планирования СССР, АН СССР, 1932, стр. 76.

поклон к зарубежным банкирам с белым флагом капитуляции. А между тем время шло, и план ГОЭЛРО, трижды перевыполненный в установленный срок, не потребовал для своей реализации никаких позаимствований за границей. Это был несомненный «просчет» плана. Но просчитались при этом не меньше и заграничные финансисты, упустившие, по-видимому, последний случай путем займов и концессий в труднейшую для Советской республики минуту извлечь из нее весьма аппетитные проценты на свой капитал.

Большие трудности в первые годы деятельности Госплана представлял **учет роли частного рынка** в народнохозяйственном планировании. Известно, что в эти годы частному капиталу в **торговле** было предоставлено в Советской республике широкое поле соревнования с обобществленной государственной и кооперативной торговлей. На долю частного оборота в розничной торговле при этом в 1922/23 г. падало не менее 75% оборота всей розницы. **Прямое** плановое воздействие на эту огромную долю посреднического оборота было исключено. Вне такого прямого воздействия оставалось также почти все индивидуальное сельское хозяйство, а также почти вся мелкая кустарно-ремесленная промышленность в городе и деревне. В этих условиях определение емкости рынка на предметы широкого потребления по всей стране представляло собой весьма сложную статистическую операцию, не гарантирующую от существенных ошибок. В качестве примера укажем, что покупательная емкость крестьянского рынка на продукты промышленности за 1922/23 г., по подсчетам статистики, определялась цифрой в 318 млн. руб., а по пересчету в Госплане увеличилась до 814 млн. руб. Спроектировать точно производственные программы соответствующих отраслей индустрии при таких расхождениях в оценках вероятного спроса было не так уж просто. И все же, несмотря на ежегодное расширение советской индустриальной продукции на десятки процентов, проектировки Госплана ни разу еще не натолкнулись на столь обычное в других странах

препятствие, как недостаточная емкость внутреннего рынка.

Из особенностей советского хозяйства, объясняющих этот факт, прежде всего следует назвать следующую. В странах, где царит частновладельческий интерес предпринимателя, ставки заработной платы рабочих замораживаются в его интересах на определенном уровне, даже с явной тенденцией к понижению. И даже премируя своих рабочих за повышенную производительность, частный предприниматель избирает специальные системы премирования — Роуэна, Хэлси и т. п.— **с регрессивной,** т. е. **падающей,** шкалой оплаты за каждый добавочный сверх нормы продукт, созданный рабочим в единицу времени. Благодаря этому каждый такой добавочный продукт достается хозяину все дешевле, а рабочему — все дороже. Говоря иначе, рабочий **штрафуется** в пользу хозяина за каждое повышение своей производительности неоплаченным перерасходом своей трудовой энергии. Это ослабляет, конечно, стимулы рабочих к повышению продуктивности их труда, отнюдь не избавляя, однако, от периодических кризисов перепроизводства и безработицы. В СССР, где рабочий совмещает в своем лице и хозяина общественного производства, нет никаких оснований к торможению роста заработной платы и производительности труда. Повышение производительности рабочих здесь, наоборот, стимулируется все более широким применением **прогрессивно-возрастающих** ставок премирования за превышение дневных норм. В связи с этим в СССР заработная плата и общие фонды зарплаты растут неудержимо. Так, например, только с 1928 по 1940 г. фонд зарплаты всех рабочих и служащих СССР возрос в текущей валюте с 8,2 млрд. до 162 млрд. руб., т. е. почти в 20 раз, быстро обогнав рост промышленной продукции. Таких темпов роста емкости внутреннего рынка не знал еще мир. Таким образом, советским плановикам приходится скорее опасаться хронического «недопроизводства» товаров широкого потребления, чем кризисов перепроизводства. Впрочем, располагая возможностью всегда сманевриро-

вать рычагами отпускных и розничных цен государственной продукции, они в случае нужды могут очень быстро восстановить нарушенное в ту или иную сторону рыночное равновесие между спросом и предложением.

В этом отношении очень поучителен опыт 1923 г. Еще с осени 1922 г. в связи с повышенным урожаем наметилось резкое снижение цен сельскохозяйственной продукции. Некоторые «хозяйственники» из ВСНХ, извращая преподанные им требования «хозяйственного расчета», решили по-купечески использовать благоприятную конъюнктуру и на снижение сельскохозяйственных цен ответили еще более резким повышением цен на индустриальные товары широкого потребления. Динамика соответствующих индексов, отображая это расхождение цен, уподобилась ножницам, все более угрожающе раскрывавшим свой зев. К 1 октября 1923 г. это расхождение цен достигло своего максимума в 323%. Иными словами, уровень сельскохозяйственных цен понизился с осени 1922 г. более чем втрое по отношению к уровню цен индустриальных. Это резко сузило и без того в те годы невысокую емкость рынка деревни с ее низкой товарностью и привело к заметному затовариванию индустриальных продуктов. Указанная заминка в сбыте, однако, была чрезвычайно быстро ликвидирована. Хозяйственников, затеявших эту спекуляцию на ценах, ударили по рукам. Цены были снижены. Замеченная ошибка была быстро выправлена на ходу. И этот первый и последний в советской политике «кризис сбыта» не оставил по себе никаких следов. За «кризисный» 1922/23 г. продукция планируемой промышленности поднялась при этом в неизменных ценах на целых 40%, да и за следующий 1923/24 г. она выросла еще на 33% и при этом при вполне успешном и рентабельном сбыте. Думается, что на такие «кризисы» не пожаловалась бы ни одна из стран Запада. А в СССР и подобной заминки в сбыте после 1923 г. не повторилось уже больше ни разу.

Впрочем, за несколько лет успехи планового хозяйства и самую проблему рынка в нем поставили совсем

по-новому. Дело в том, что общепризнанные преимущества крупного хозяйства в производстве и торговле приводили и здесь, как и везде в мире, к одним и тем же результатам. А именно, крупные предприятия в рыночном соревновании вытесняли и поглощали более мелкие. Но в СССР это экономическое превосходство крупнейших предприятий, обобществленных уже в руках советской демократии, оказалось еще эффективнее, чем в руках самых могущественных капиталистических трестов. И оно привело уже здесь к полному вытеснению с рынка и обобществлению всех видов индивидуального мелкого хозяйства. Как известно, завершение гражданской войны открыло в Советском Союзе период «новой экономической политики», весьма благоприятствовавшей свободному соревнованию на рынке всех форм общественного и частного хозяйства. Мелкая частная промышленность и торговля, получив в условиях товарного голода полную возможность продавать свою продукцию дороже цен государственной индустрии и торговли, росли, как на дрожжах. Советское правительство, идя в интересах населения навстречу этому росту, осуществило даже частичную **денационализацию** обобществленных ранее мелких предприятий с наемным трудом. Более того, в Страну Советов получил доступ и крупный частный капитал иностранного происхождения на весьма льготных концессионных началах. Таким образом, **частнохозяйственная инициатива** могла выявить здесь все свои преимущества в экономическом соревновании с обобществленным сектором советского хозяйства. Преимущества эти, однако, оказались весьма сомнительными, и обобществленное хозяйство на всех участках оказалось гораздо жизнеспособнее частного.

Частная промышленность и торговля в Советском Союзе росли в начале 20-х годов довольно быстро. Но обобществленный товарооборот рос еще быстрее. Когда же товарный голод с насыщением рынка стал исчезать и частным предпринимателям пришлось снизить свои спекулятивные цены по условиям конкуренции до уровня государственных, то рост частных торговых предприятий

сразу приостановился. А затем, прогорая одно за другим, они к 1931 г. сократили свои обороты почти до нуля. В сельском хозяйстве преимущества крупного коллективного хозяйства над мелким хозяйством крестьян-единоличников выявилось в полной мере лишь с достаточным развитием сети обслуживающих колхозы машинно-тракторных станций. Но когда для механизации труда в колхозах в стране было создано достаточно тракторов и комбайнов, использование огромной эффективности которых невозможно в рамках мельчайших индивидуальных участков крестьянского хозяйства, тяга единоличников к объединению в колхозы возросла в сильнейшей степени.

В результате всех этих процессов доля продукции частной промышленности с 1923/24 по 1928 г. сократилась с 25 до 12% общего итога, а к 1933 г. она не достигала уже и 0,5% итога всей индустриальной продукции. Не получили никакого развития в СССР и крупные иностранные концессии. В области торговли еще в 1922/23 г. из 3560 млн. руб. розничного товарооборота на долю частной розницы падало свыше 75%. В течение следующих четырех лет, к 1926/27 г., частный товарооборот вырос почти вдвое, а обобществленный — раз в **десять** и доля частной розницы упала с 75 до 36% общего итога. А затем доля частников стала падать уже не только в относительных, но и в абсолютных цифрах. К 1930 г. она упала уже до 5,8%, а в следующем году и вовсе выпала из учета. Доля крестьян-единоличников в общем итоге сельскохозяйственной продукции, еще в 1929 г. достигавшая 93%, к 1933 г. упала до 19%, а в 1938 г. не превышала уже 1,2%. В общем же народном доходе по всей стране доля частнохозяйственного сектора в 1925/26 г. составляла 60%, к 1929 г. она упала до 44%, в 1932 г. она не превышала 10%, а в 1937 г. составила едва 0,9%.

В сущности говоря, до завершения указанных процессов методология планирования в СССР не могла почитаться достаточно эффективной. В целом ряде случаев, когда плановым органам приходилось воздействовать на **частный** сектор хозяйства, это воздействие оказывалось

возможным лишь косвенными методами экономической политики. Главнейшими рычагами такого косвенного воздействия на частный сектор в советских условиях являлась прежде всего определенная политика рыночных и заготовительных цен, а также меры кредитной и налоговой политики. При господстве мелкого крестьянского хозяйства десяткам миллионов крестьян невозможно было бы предложить твердый план посева культур в нужной пропорции, план агротехники с твердыми заданиями масштабов зяблевой пахоты и вывозки удобрений, развития племенного животноводства и т. д. Но повышая заготовительные цены на одни культуры и продукты деревни при снижении их на другие, кредитуя трудоемкие культуры денежными задатками с заблаговременной контрактацией заданных планом масштабов сдачи хлопка, льна, сахарной свеклы и других сырьевых культур будущего урожая, поощряя повышенную агротехнику налоговыми льготами и т. д., можно было кое-чего добиться и методами косвенного регулирования второстепенных участков народного хозяйства. Эти методы, однако, не могут идти ни в какое сравнение по своей эффективности с методами прямого планирования обобществленного хозяйства при надлежащем контроле исполнения — путем твердых заданий каждому заводу и колхозу, что́ именно они должны дать и в какие сроки. Несравненно легче в полностью обобществленном хозяйстве решаются и сложнейшие задачи перспективного построения рыночных балансов спроса и предложения, так как все элементы таких балансов определяются уже не стихийными, вне нашей воли лежащими факторами, а лишь сознательными заданиями плана, всегда поддающимися взаимной увязке и сбалансированию.

О методах косвенного регулирования хозяйственных процессов мерами экономической политики нет нужды говорить здесь подробнее. Не составляя специфики советского хозяйства, они достаточно известны и на Западе, а в условиях войны достигают и там такой интенсивности, что создают впечатление в некотором роде эрзацплано-

вого хозяйства. Сами по себе, однако, особенно в условиях крупного **частнокапиталистического** хозяйства, они даже с оборонной точки зрения недостаточно эффективны. Чем крупнее завязанный в монопольных трестах и их международных объединениях частный капитал, тем он «интернациональнее». Национальной экономической политике своей страны такие мощные монополии чаще всего противопоставляют свою **частнохозяйственную** политику и, как показал опыт последних войн, нередко находят более выгодным служить интересам национального врага, поскольку он заплатит дороже, чем велениям долга и патриотизма. Но в сочетании с **директивным** планированием в такой стране, как СССР, и мерами **косвенного** экономического воздействия на развитие хозяйства не следует пренебрегать, даже после полного обобществления всех отраслей хозяйства. Пользуясь ими в порядке хорошо продуманной системы **экономического стимулирования** — и поощрительными расценками труда, и заготовительными ценами, и премиальными фондами предприятий,— можно получить за счет них в советских условиях немалый дополнительный эффект. Эти меры подкрепляют общественную значимость прямых директивных заданий личной заинтересованностью исполнителей в их осуществлении.

Основным костяком советских планов являются, однако, не эти косвенные методы воздействия вспомогательного значения, а предшествующая им система прямых директивных заданий. А потому обратимся к методам построения производственной, строительной и социально-экономической программы всякого народнохозяйственного плана.

Производственная программа

Советское общественное хозяйство в отличие от хозяйств частных предпринимателей, для которых производство является прежде всего средством к извлечению **прибыли** и личному их обогащению, основную задачу производства усматривает в **потреблении** общества. С этой

точки зрения производственная программа на заданный планом отрезок времени должна прежде всего обеспечить **возможно полное и равномерное** удовлетворение всех назревших общественных потребностей. «Разумеется,— как это предусматривал еще Энгельс,— общество должно знать, **сколько труда** требует каждый предмет потребления для своего производства. Оно должно будет выработать **план производства, сообразуясь со средствами производства,** к которым, в частности, принадлежат также и рабочие силы. **Степень полезности** различных предметов потребления, сопоставленных друг с другом и с необходимыми для их произведения **количествами труда,** определит окончательно этот план»[1]. При составлении производственной программы необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, по общим масштабам производства она не должна выходить за пределы наличных производственных возможностей в области труда и средств производства и, во-вторых, в своем отраслевом разрезе должна удовлетворять требованиям закона **планомерного, пропорционального** развития **всех** отраслей труда.

Там, где господствует рыночная стихия свободной конкуренции, такая пропорциональность, хуже или лучше, устанавливается автоматически в процессе борьбы спроса и предложения под влиянием такого регулятора, как цены и меновая стоимость различных товаров. В плановой системе хозяйства эта пропорциональность, как и цены всех товаров, устанавливается в соответствии с требованиями объективных экономических законов, сознательно, в порядке выработки производственной программы плана.

Как же все элементы этой программы определяются в нашей практике планирования?

Стремясь к возможно полному удовлетворению общественных потребностей, каждое отраслевое ведомство, каждый трест и каждое отдельное его подразделение, отнюдь не страшась возможного перепроизводства, на-

---

[1] **К. Маркс и Ф. Энгельс,** Соч., т. XIV, стр. 315—316. (Подчеркнуто мной.— **С. С.**)

мечает для себя максимально возможную производственную программу в пределах имеющихся производственных мощностей, определяет ожидаемое повышение производительности труда и снижение себестоимости, подсчитывает возможное накопление при заданных ценах, а также все необходимое для выполнения данной программы количество сырья, материалов и топлива, а если требуется, то и дополнительной рабочей силы сверх имеющихся ее контингентов. Такие предварительные отраслевые программы в сводном виде поступают в Госплан для взаимной их увязки с точки зрения требований необходимой пропорциональности. Диспропорции, подлежащие устранению при этой увязке, могут быть двух родов: производственно-технические и общественно-экономические. К числу первых относятся все неувязки отраслевых планов по взаимному обслуживанию различных производств в сфере **производственного** потребления. К числу вторых можно отнести все несоответствия намеченных отраслевыми планами производственных заданий интересам **личного потребления** населения и требованиям **общественного накопления** в целях расширенного воспроизводства.

Конечно, в практике планирования всякий раз, когда эта практика отклоняется от требований строгой теории, неизбежны и известные просчеты, и даже более серьезные ошибки, чреватые существенными диспропорциями на хозяйственном фронте. Такие просчеты особенно чувствительны в области планового ценообразования, когда практика недостаточно считается с объективными требованиями закона стоимости. В сельском хозяйстве, где плановые заготовительные цены не пересматривались в течение многих лет, несмотря на серьезные изменения издержек производства, эта практика, в частности, создавала нам особые трудности. Их усугубляли допущенные в этой практике отклонения от принципа **демократического централизма** в планировании. В течение многих лет наши плановые органы сельского хозяйства пытались сверху, в порядке излишней централизации продиктовать

детальнейшую производственную программу действий каждому колхозу на каждый год, бюрократически лишая местные силы всякой самодеятельности и инициативы в использовании своих ресурсов с полным учетом всех местных особенностей и интересов. Но такие вредные перегибы в планировании, обусловившие заметное отставание в развитии нашего сельского хозяйства, как известно, уже осуждены и энергично ликвидируются Коммунистической партией и правительством СССР.

Для выявления и устранения производственно-технических диспропорций служат так называемые материальные балансы — топлива, металла, стройматериалов и разного рода сырьевых ресурсов, а также планы снабжения всех производств материалами, энергией и оборудованием. Особо важную роль в этой проверке реальности намеченных программ выполняет сводный план подготовки и распределения рабочей силы, составляемый соответствующим управлением Госплана. Материальные балансы, например баланс топлива или металла, сопоставляя в районном разрезе намеченное производство данного продукта с его потреблением в натуре, служат для выявления дефицита в нем или избытка не только по всему Союзу в целом, но и в пределах каждой республики или экономического района в отдельности. Местные дефициты в районном масштабе перекрываются при этом **планами снабжения и перевозок** недостающего материала из ближайших соседних районов, располагающих избытками данного продукта, с таким расчетом, чтобы сумма потребных перевозок была минимальной. Общий дефицит по всей стране по какому-либо отдельному виду топлива, например по мазуту, может быть перекрыт избытками другого вида, например угля или торфа, с предпочтением по возможности местных ресурсов дальнепривозным. Незначительные дефициты или избытки производства балансируются при этом за счет сокращения запасов прошлых лет или разумного повышения их к концу планового периода. Снижать производственные задания по какой-либо отрасли, равняясь на узкие места в снабжении ее

тем или иным видом дефицитного сырья или топлива, производимого в других отраслях,— до исчерпания всех плановых ресурсов для **расширения** производства этих дефицитных продуктов — не принято в советской плановой практике, так как это был бы путь наименьшего сопротивления, легчайший, но вместе с тем и наименее эффективный. Хождение по таким путям именуется у нас **оппортунизмом** на практике.

Более крупные дефициты в отдельных элементах производственного снабжения, выявленные материальными балансами, требуют для своего изживания и более энергичного планового воздействия. В одних случаях для этого достаточно мер, повышающих норму использования имеющихся производственных мощностей путем увеличения сменности труда, сокращения простоев оборудования и тому подобных организационных мероприятий. В других случаях требуется уже более или менее значительная **реконструкция** методов и средств производства в действующих предприятиях, например путем механизации труда на отстающих участках или перехода от серийных к поточному и конвейерному циклам производства. А в третьих случаях может потребоваться и более широкий ввод новых мощностей за счет расширения строительной программы перспективного плана. В последнем случае на все время нового строительства такой дефицит погашается за счет включения недостающих элементов в **импортные** планы страны. Иные продукты, невоспроизводимые в нужных масштабах по природным условиям, как, например, каучук и некоторые другие виды хронически дефицитного сырья, как шерсть и кожа, и вообще восполняются только в порядке международного обмена **избытками** национальной продукции. Импортный план при этом в условиях СССР обычно полностью балансируется экспортным за счет вывоза не только случайных избытков нормальной производственной программы, но и специально планируемых для экспорта товаров, таких, например, как северный лес и пушнина или кольские апатиты. В случае, когда импорт превышает возможный экспорт,

разница покрывается золотой наличностью за счет текущей добычи золота, предусмотренной планом. Вместе с тем все научные учреждения страны, а отраслевые научно-исследовательские институты и лаборатории в особенности, в своих планах уделяют огромное внимание производственной тематике вообще и в том числе расширению дефицитных производств в первую очередь. При этом всякое усовершенствование существующих методов или изобретение новых в области органического синтеза для замены, скажем, дифицитного растительного каучука синтетическим или кожи и волокна животного гораздо более доступными материалами синтетического или растительного происхождения и т. п. в условиях СССР немедленно, в порядке специальных планов освоения передовой техники, внедряется в производство.

По-иному решаются в плане проблемы пропорциональности в сфере производства средств существования, где требуется соответствие намечаемой **пропорции производства** различных предметов широкого потребления **структуре потребностей** трудящихся масс. При **постоянном** уровне благосостояния эта структура **потребностей** населения легко может быть установлена по фактическим данным о **потреблении** этого населения за ближайший отчетный период. Но в условиях роста благосостояния трудящихся, свойственного плановому хозяйству, структура потребностей и потребления, как показывает опыт, довольно существенно и притом вполне закономерно меняется в определенном направлении. А именно, с ростом благосостояния наиболее настоятельные потребности, насыщаясь раньше других, отстают в своем росте от возрастания менее настоятельных, причем рост их сказывается скорее в качестве, чем в количестве потребляемых продуктов. В какой же мере вытекающие из этой закономерности структурные сдвиги в потреблении масс могут быть предусмотрены в перспективных планах, рассчитанных на целый ряд лет вперед?

В каждой из пятилеток Госплана проектируется и осуществляется значительное повышение уровня жизни ра-

бочих и крестьян. А для этого требуется повысить соответственно и продукцию предметов широкого потребления, но в совершенно разных пропорциях. Заглянуть в будущее для определения этих неизвестных еще нам пропорций мы не можем. Но этого и не требуется. Дело в том, что те же структурные сдвиги в потреблении, какие в зависимости от уровня жизни происходят **во времени**, уже даны нам в момент составления плана — **в пространстве.** Они существуют рядом в любой момент в группах населения **различных уровней** благосостояния. И, сопоставляя между собой бюджетные группы, типичные по душевому доходу или заработку для начального и конечного года проектируемого плана, не трудно получить структурную **модель динамики** состава рыночного спроса и потребления во времени. Так, уже в одном из самых первых вариантов пятилетнего плана (на 1925/26—1930/31 гг.), в котором рост душевого дохода рабочих проектировался всего в 38% за пятилетку, пришлось наметить указанным методом такие весьма существенные сдвиги в душевом их потреблении. При среднем росте реального уровня жизни в 38% душевое потребление продуктов сельского хозяйства возрастает всего на 28%, продуктов промышленности — на 46%, а стоимость потребляемых услуг культурно-просветительного порядка — даже на 53%. Еще более резкие сдвиги, однако, выявились в потреблении отдельных продуктов широкого потребления. Так, из числа продуктов **промышленности** потребление пищевых продуктов возрастало всего на 7%, осветительных — на 17, обуви — на 31, одежды и тканей — на 51, напитков и табачных изделий — на 63 и прочих — на 84%. Из продуктов **деревни** потребление картофеля росло всего на 1%, хлеба, муки и круп — на 10 при абсолютном сокращении черного хлеба на 5 и росте белого на 15%, овощей — на 22, мясных продуктов — на 30, фруктов — на 41, молочных продуктов — на 61% и т. д.

Однако рост потребления отдельных продуктов определяется не только возрастающим уровнем благосостояния, но и меняющимся соотношением их цен на рынке,

а также различными масштабами предложения их на рынке, в зависимости от производственных возможностей и других моментов. Поэтому составители плана вовсе не обязаны слепо следовать в своих проектировках производственных пропорций указаниям бюджетов о фактических пропорциях потребления на заданном планом уровне благосостояния. И потребление можно рационализировать. Так, например, повышая акциз на водку и снижая цены на сахар в первой пятилетке, составители ее стремились затормозить нежелательный рост потребления спиртных напитков, форсируя в то же время потребление такого эффективного стимулятора энергии, как сахар. В связи с этим душевое потребление водки вопреки показаниям бюджетов в плане первой пятилетки не повышалось, а даже снижалось в натуре на 39% при одновременном повышении потребления сахара на 81%.

Расхождение темпов роста производства и потребления различных предметов широкого потребления города и деревни проектировалось в этом плане в широчайшем диапазоне — от 12% прироста спроса на поваренную соль до 144% по сукнам и свыше 3000% по химическим удобрениям для деревни[1]. Но в общем балансе спрос перекрывался предложением даже с некоторым избытком в виде резерва в каналах обращения для скорейшего утоления товарного голода в стране. Для достижения необходимого равновесия в рыночных взаимоотношениях города и деревни и полной реализации их товарной продукции, создаваемой для товарообмена между соответствующими группами населения и секторами хозяйства, балансы денежных приходо-расходов и рыночного спроса и предложения по каждому из этих секторов приходилось строить **отдельно.** А затем, при взаимной увязке балансов, учитывая гораздо более медленные темпы роста продукции и производительности труда в сельском хозяйстве по сравнению с индустриальными, выяснилось, в какой мере это **отставание** сельскохозяйственной продукции и

[1] «Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР», т. II, изд. 3, М. 1930, стр. 46.

покупательных фондов деревни должно быть уравновешено на рынке ускоренным **снижением** цен промышленной продукции в соответствии с требованиями закона стоимости.

Определяя по-хозяйски как объем каждого вида продукции, так и цены их, отпускные и розничные, советские планы располагают огромными возможностями маневра в образовании бóльших или меньших **товарных** фондов и резервов на любом рынке. В то же время, нормируя расценки труда на единицу продукта, а также масштабы текущих налоговых изъятий и займов у населения, эти планы определяют и **денежные покупательные фонды** всего населения города и деревни. А потому при должной **балансовой** проверке и увязке всех своих заданий в материальном и денежном их выражении такие планы не могут привести к рыночным срывам и кризисным потрясениям.

Строительная программа

Важнейшим естественным дополнением и продолжением производственной программы **в условиях расширенного** воспроизводства ресурсов планового хозяйства является **строительная программа** плана. И не только для мелких поправок в порядке ликвидации обнаруженных производственно-технических диспропорций на **данном** уровне хозяйства, но и для радикальной перестройки на ходу наличных пропорций и подготовки новых на гораздо более высоком техническом уровне. Для сооружения и освоения крупных объектов строительства требуется немало времени. Поэтому строительные программы могут получить полное свое развитие только в многолетних перспективных планах, или так называемых пятилетках, где им как раз принадлежит центральное место и решающее значение. Как известно, **первым** таким планом с развернутой строительной программой реконструкции советского народного хозяйства (вполне реальной, несмотря на свои масштабы) была первая плановая пятилетка на 1928/29—1932/33 гг., досрочно в основном реализованная

уже к концу 1932 г. А до первой пятилетки Госплан в течение целых семи лет довольствовался — и это совсем не случайно — только **годовыми** производственными планами, в которых строительство не играло, да и не могло играть никакой существенной роли уже потому, что для этого недоставало еще важнейшей реальной предпосылки крупного строительства — достаточных **фондов накопления.**

В сущности говоря, недостатка в крупнейших строительных замыслах не было и задолго до первой пятилетки. «В первые же месяцы Советской власти был набросан вчерне грандиозный план капитального строительства. Достаточно сказать, что этим планом выдвигались такие объекты, как строительство железных дорог Мурман — Котлас — Обь, Оренбург — Урал — Пермь; сооружение Волго-Донского канала, электрификация Петрограда (гидростанции на Волхове и Свири), исключительные по размаху ирригационные работы в Туркестане и т. д.» [1]

Но для осуществления этих замыслов требовалось, помимо целых армий труда, еще материальных ресурсов на миллиарды рублей для приведения этих армий в действие. В условиях назревавшей гражданской войны эти армии и все наличные материальные ресурсы потребовались, однако, для других целей. В 1920 г., с окончанием гражданской войны, был прекрасно задуман и обоснован новый грандиозный план электрификации России. Был создан и строительный штаб для осуществления подобных задач в лице Главного комитета государственных сооружений. Нашлись бы и свободные рабочие руки. В разоренной стране насчитывались миллионы безработных. Но не было хлеба, чтобы их накормить, и строители, располагавшие для своих конструкций только **дефицитом** в 6 млрд. золотых рублей, не могли за счет этого ресурса развернуть сразу запроектированный ими план великих работ.

---

[1] **Г. Сорокин,** Народнохозяйственный план и планирование, 1940, стр. 25—26.

Прошло еще семь лет, в течение которых восстанавливались истощенные материальные ресурсы страны. Промышленная продукция росла все эти годы. Но накопления советской промышленности вначале, до 1923 г., были так скудны, что не покрывали полностью даже текущего износа. Именно в эти годы, оглядываясь назад, кое-кто даже в Госплане проектировал такую же **бездоходную** перспективу для советской промышленности и на целое пятилетие вперед. Но рентабельность советских предприятий с каждым годом возрастала, и в общем уже за 1923/24—1927/28 гг. капиталовложения в советское хозяйство превысили по тогдашним ценам 11 млрд. руб. Это позволило, однако, покрыть лишь ущерб в основных фондах страны, какой был нанесен ей за долгие годы мировой войны и блокады, и восстановить довоенный уровень продукции 1913 г. даже в наиболее пострадавших отраслях индустрии — химической и черной металлургии. Только после этого, на базе дальнейших все возрастающих накоплений, открылись широкие возможности нового строительства. И эти возможности **реального** претворения в жизнь великих строительных замыслов нашли, наконец, свое развернутое плановое выражение в прославленных на весь мир пятилетках.

О масштабах этого строительства некоторое представление дают следующие факты. Уже за первую пятилетку, до конца 1932 г., капитальные вложения в советское хозяйство составили 51 млрд. руб., т. е. в 4,5 раза больше, чем за предыдущее пятилетие преимущественно восстановительных работ. За вторую пятилетку 1933—1937 гг. капитальные вложения достигли уже 115 млрд. руб. По плану третьей пятилетки они должны были составить за 1938—1942 гг. еще 181 млрд.[1] Из них уже к концу 1940 г. было фактически реализовано не менее 108 млрд. руб.[2], в том числе только за один 1940 г.— до 40 млрд., а всего

[1] См. **В. Молотов,** Третий пятилетний план, 1939, стр. 30.

[2] См. **Н. А. Вознесенский,** Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства на 1941 г., Госполитиздат, 1941, стр. 7.

по бюджету 1940 г. финансирование народного хозяйства потребовало 58,3 млрд. руб., т. е. около 10,8 млрд. долл. по тогдашнему курсу доллара в СССР. Отметим для сравнения, что капитальные вложения в народное хозяйство богатейших стран Запада значительно скромнее. Так, например, даже в лучшие годы просперити они составляли в Англии (1929 г.) 1,5 млрд. долл., в Германии (1928 г.) — 1,7 млрд. долл. и даже в США в 1937 г., по исчислениям К. Кларка, не превышали 5—6 млрд. долл. В процентах к народному доходу эти вложения лучших лет достигали в Англии 7,2%, в США — 8 и в дофашистской Германии — 9,3%. Зато в худшие годы кризисов эти приросты народного имущества сменяются здесь прямыми вычетами из него в огромных суммах. Например, за 1932—1933 гг. этот вычет в США, определившийся в 7,8 млрд. долл., превзошел объем вложений лучшего 1937 г. Если же брать не высшие, а средние масштабы вложений за целый цикл, выраженные в долях народного дохода, то окажется, что даже германский высший темп накопления в 9,3% снизится в среднем за десятилетие всего до 5% [1].

Чтобы стало понятнее, почему в Советском Союзе, который пока еще, несомненно, беднее США, оказались возможными такие высокие масштабы капитальных вложений, необходимо учесть, что в СССР они даже в среднем за ряд лет были не ниже 17% от народного дохода, поднимаясь в отдельные годы до 24%, но ни разу не падая после 1925 г. ниже 10% и превышая, таким образом, в несколько раз нормы накопления стран капиталистического Запада. За отсутствием буржуазии в СССР и буржуазных навыков слишком «широкой» жизни, трудящиеся Советского Союза могут позволить себе роскошь

[1] Сумма валовых вложений в Германии за 1924—1933 гг., по данным официальной германской статистики, составила за 10 лет 93,8 млрд. марок, сумма чистых вложений за вычетом износа — 32,1 млрд., народный доход — свыше 608 млрд. См. «Statistische Jahrbuch für das Deutsche Reich», 1938. В США в среднем за 20 лет (1919—1938 гг.) их оценивают в 4,85 млрд. за год, или 6,2% национального дохода. См. S. Kuznets, National Income and its Composition, 1918—1938, New York 1941, p. 269.

обращать гораздо большую долю своего народного дохода на расширение своего хозяйственного базиса и оборонной мощи в интересах будущего.

Из сказанного видно, в какой мере общее развертывание строительных программ советского планирования определялось прежде всего темпами реальных накоплений советского хозяйства. Но ими определяются только масштабы, а не конкретное содержание этих программ. Это последнее в первую очередь определяется целевыми установками планов на каждом новом этапе развития народного хозяйства. Наиболее общей из них являлась директива — обеспечить в интересах скорейшей индустриализации страны значительное опережение в развитии отраслей труда, производящих средства производства, по сравнению с отраслями, создающими средства существования. А затем в развитие этой общей директивы в каждой новой строительной программе в качестве ведущих отраслей, заслуживающих ускоренного развития на данном этапе, намечались то одна, то другая отрасль и те или иные специфические их задачи. Так, в плане ГОЭЛРО и в первой пятилетке решающее значение придавалось строительству **электроэнергетики** с такими гигантами, как Днепрострой. Но вместе с тем в первой пятилетке намечается также грандиозное строительство второй металлургической базы на Востоке с величайшим в Старом свете Урало-Кузнецким металлургическим комбинатом и целым рядом других. Во второй пятилетке с ее целевыми установками «завершения технической реконструкции всего народного хозяйства» ведущей отраслью стало **машиностроение.** Третья пятилетка по ее строительной специфике должна была стать пятилеткой **химии** и качественных сталей. Строительная ее программа была так велика, что уже за первые только три года этой пятилетки вступило в строй до 2900 новых индустриальных предприятий, т. е. почти вдвое больше, чем за всю первую пятилетку, за которую было введено в действие до 1500 фабрик и заводов. Вторжение гитлеровских орд в СССР прервало нормальное течение третьей пятилетки,

но все же она неплохо кончилась, подготовив сталинградский разгром гитлеровских полчищ. И машиностроение, и химическая продукция, и качественная сталь танков и бронебойных снарядов сделали свое дело.

Исходя из общих целевых установок плана, а также из намечаемых масштабов производства и накопления, Госплан определяет в первом приближении масштабы и лимиты капиталовложений для каждой отрасли хозяйства, в пределах которых начинается уже конкретное **ведомственное проектирование** строительных программ в отраслевом разрезе, с учетом всех требований возможно рационального географического **размещения** проектируемых объектов строительства. Разработанные ведомствами конкретные программы строительства поступают затем в Госплан, где подвергаются тщательной балансовой проверке и взаимной увязке. Для реальности всего плана эти программы должны быть обеспечены не только необходимыми денежными ассигнованиями, но и достаточными кадрами рабочей силы, а также нужными стройматериалами и предметами оборудования в натуре. Отсюда вытекают определенные вполне конкретные требования к бюджету и производственные задания соответствующим отраслям машиностроения, а также производствам кирпича, цемента и прочих строительных материалов. Все эти требования увязываются с реальными возможностями в специальных балансах вложений и накоплений, а также производства и распределения стройматериалов и оборудования, как внутреннего, так и заграничного, по каждому виду оборудования и материалов в отдельности. А затем уже в общей сводке всех производственных и строительных заданий плана их увязка завершается сводным балансом подготовки и распределения рабочей силы.

При составлении перспективного плана на целое пятилетие дается, конечно, примерная календарная разверстка масштабов строительства и ввода в эксплуатацию важнейших объектов строительства по годам, которая затем уточняется в годовых планах. Но этим не исчерпываются

задачи планирования в этой области. На рассмотрение Госплана и утверждение правительства восходят не только сводные планы по всему народному хозяйству, но и важнейшие строительные проекты отдельных объектов, связанные с вложением в каждый из них миллионов, а подчас и миллиардов рублей. Когда в сводном плане намечены уже основные промышленные узлы, масштабы, пункты и объекты будущего строительства, проектные задания по каждому из них поступают в специальные для каждой отрасли проектирующие организации. Здесь разрабатываются уже конкретные варианты технического решения поставленных перед ними планом строительных и производственных задач по каждому объекту в отдельности, затем все эти варианты технических проектов подвергаются еще специальной экспертизе технических советов, организованных при каждом министерстве, а по крупнейшим объектам они проходят и дополнительную проверку Совета научно-технической экспертизы Госплана. И только после этого лучшие из них с заключением Госплана вносятся на утверждение Совета Министров.

Не останавливаясь на технических деталях методологии планирования строительства в СССР, которая с каждым годом совершенствуется, можно, однако, сказать, опираясь на имеющийся опыт, что задача бескризисного расширенного воспроизводства материальных ресурсов страны этой методологией уже и ныне разрешается вполне удовлетворительно.

Социально-экономическая программа

Советское планирование охватывает, однако, и более широкий круг задач. Расширение материальной базы хозяйства для него не самоцель, а только отправной пункт к культурному росту и процветанию всего человечества. Забота о человеке в советском планировании не лишена, впрочем, и чисто хозяйственных соображений. С этой точки зрения люди, кажется, еще нигде не научились так

высоко расценивать друг друга, как в СССР. Этому учил советских людей и великий Ленин еще в 1919 г., в момент величайшей разрухи и голода. **«В стране, которая разорена,**— говорил Ленин,— **первая задача — спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся.** Если он выживет, мы **все** спасем и восстановим» [1]. И это справедливо не только в условиях СССР. «Степень искусства наличного населения,— как это было отмечено уже Марксом,— составляет всегда предпосылку всего производства, следовательно, главное накопление богатства» [2]. Эти истины, приложимые всегда и повсюду, особенно пришлись ко двору пока, однако, лишь в социалистическом хозяйстве. Вот почему, расширяя понятие «хозяйство», советские планы включают в себе задания не только по расширению материальной хозяйственной базы, но и по расширенному воспроизводству рабочей силы, обеспечивая как здоровый количественный рост, так и качественный, культурный подъем всего населения вообще и его рабочих кадров в особенности.

Расширенное воспроизводство рабочей силы обеспечивается в основном уже предусмотренным в плане расширением производства средств существования. Но эта материальная база количественного роста рабочих кадров не обеспечивает еще их качественного, культурного подъема. Этой последней цели в советских планах служит специальный раздел, посвященный социально-культурному строительству в стране. В этом разделе предусматривается целая система заданий, необходимых для непрерывного расширения культурно-бытового обслуживания трудящихся масс как в домашнем их быту, так и вне дома — в яслях и детсадах, в школах и на заводах, в общественных столовых и прачечных, в клубах и библиотеках, на стадионах и спортплощадках, в кино и театрах, в здравницах и на курортах — одним словом, повсюду в процессе повседневного труда и культурного отдыха.

---

[1] **В. И. Ленин,** Соч., т. 29, стр. 334.

[2] **К. Маркс,** Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936, стр. 229.

Нужно сказать, что масштабы социально-культурных мероприятий, включая сюда все затраты по народному просвещению, здравоохранению и социальному обеспечению трудящихся, растут в советском плановом хозяйстве, как нигде в мире. Накануне первой пятилетки, в 1927/28 г., они составляли еще всего 1727 млн. руб., но уже в 1932 г. достигли 9,5 млрд. руб., в 1937 г. поднялись до 30,8 млрд., а на 1942 г., по плану третьей пятилетки, были запланированы в сумме 53 млрд. руб. Такой рост — раз в 30 всего за 15 лет — значительно обгоняет даже советские темпы роста народного дохода. И это понятно. Всю огромную сеть обслуживающих население культурных учреждений в СССР приходится расширять в темпах, намного обгоняющих рост рабочих кадров и создаваемых ими материальных благ уже потому, что **культурные** потребности этих кадров возрастают быстрее всех остальных.

В каждой пятилетке в области культуры ставились и осуществлялись крупнейшие задачи. Уже в первой пятилетке в основном была завершена ликвидация неграмотности в стране и установлено законом всеобщее обязательное обучение детей от 8 до 11 лет в пределах **четырехлетней** начальной школы. Вторая пятилетка вводит уже обязательное обучение в пределах **семилетней** школы во всех городах и строит соответствующую школьную сеть в деревне. Третья пятилетка осуществляет всеобщее среднее обучение в пределах полной десятилетней школы в городах, завершая всеобщее семилетнее обучение в деревне и во всех национальных республиках. А чтобы понять, какие трудности пришлось преодолеть на этом пути, достаточно сказать, что обучение во всех этих республиках осуществляется на **родном** языке, для чего пришлось для многих из них за отсутствием всякой письменности создавать специально приспособленные для них алфавиты, строить заново грамматику, синтаксис и правописание на этих языках, переводить на эти языки все учебники и воспитывать национальные кадры учителей для начальных и средних школ в масштабах, достаточных

для всеобщего обучения населения этих республик. Но этим дело не ограничивается. Наряду с сетью общеобразовательных школ в СССР все ширится сеть производственно-технической учебы от ремесленных училищ и школ фабрично-заводского ученичества до техникумов и высших технических учебных заведений. Высшее специальное образование получают сотни тысяч рабочей молодежи также в стенах университетов, экономических, педагогических, медицинских и военных вузов, а затем в аспирантуре широкой сети учебных и научно-исследовательских институтов страны.

С каждым годом увеличивается число рабочих с законченным средним образованием, которые затем получают высшее образование заочно, без отрыва от производства. Нередко по местной инициативе создаются для рабочих при крупнейших заводах специальные технические вузы. Для наиболее одаренных рабочих, зарекомендовавших себя высокой производительностью, была создана специальная промышленная академия в Москве, с обеспечением прекрасными стипендиями, где они, и не кончив средней школы, имели возможность получить высшее образование. Растут молодые научные кадры в Академии наук СССР и во всех ее периферийных филиалах и базах, а с ростом национальных научных кадров возникают и новые, **республиканские** Академии наук. Даже в труднейшие годы войны, помимо ранее возникших академий Украинской, Белорусской и Грузинской, выросли новые — в Армении, Узбекистане, Азербайджане и Казахстане [1]. Недаром же основной установкой третьей пятилетки в области культуры было: «Проведение широкого круга мероприятий для серьезного продвижения вперед в осуществлении исторической задачи — поднятия **культурно-технического уровня рабочего класса** СССР до уровня работников инженерно-технического труда» [2].

---

[1] Ныне Академии наук имеются в 13 союзных советских республиках.

[2] «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР», Тезисы, Госполитиздат, 1939, стр. 29.

Достижение рабочей массой такого уровня производственно-технической культуры, при которой любой рабочий сможет в случае нужды заменить у пульта управления своего инженера, а инженер сумеет показать образцовую работу за любым рабочим станком в своем цехе,— это еще далеко не решенная задача. Но она уже четко поставлена на очередь в советском планировании. В рабочей демократии нетерпимы никакие резкие грани и водоразделы между умственным и физическим трудом. И они все более стираются здесь с каждым годом и днем.

Высокая культура впитывается советскими рабочими кадрами, конечно, не только в процессе школьной их подготовки. Ее повышает вся обстановка труда и быта. На заводе рабочего окружают все более сложные машины и все более точные измерительные приборы, предъявляющие к нему новые требования. В товарищеском общении — на производственных совещаниях, в рабочих клубах, в повседневной печати, через радиорупор и на кинопленках — перед ним возникает целый ряд новых проблем, расширяющих его производственный и общественный кругозор и повышающих его общественную активность. Наконец, и в собственной его семье складываются новые, все более культурные взаимоотношения между старшим и младшим поколением, между мужской и женской ее половинами. Громадное плановое строительство в СССР фабрик-кухонь, общественных столовых при фабриках, общественных прачечных, а также детских яслей, садов и площадок в городах и селах, не разрушая семейных уз, все более раскрепощает советскую женщину от ее наиболее тягостного домашнего рабства. Это раскрепощение позволило уже ей в равных с мужчиной труде и учебе подтвердить признанное за ней законом равноправие и на всех других поприщах, вплоть до почетного права наравне с мужчиной — снайпером, танкистом или летчиком — с оружием в руках защищать свою Родину. Но еще бо́льшим по́четом и защитой закона окружена в Советской стране женщина в той роли, в которой она незаменима,— в роли матери и воспитатель-

ницы детей. Советское законодательство об охране детства и материнства, как известно, не имеет себе равных в мировой практике. А матери, вырастившие Родине много юных граждан, помимо всех других прерогатив, награждаются за это орденами и почетными званиями «Материнская слава» и «Мать-героиня».

Возможности прямого планирования в области духовной культуры и семейного быта невелики. Но и методами косвенного воздействия через материальный базис этого быта, как показывает советский опыт, можно достигнуть немалых результатов. Во всяком случае освященные патриархальной традицией в домашнем быту старой России заветы: «Жена да убоится мужа», или: «Казни сына своего от юности», или: «Не ослабевай, бия младенца» — совершенно забыты в новой стране труда. А на их месте пробиваются повсюду ростки новой, более человечной культуры. Их можно наблюдать здесь на каждом шагу — не только в основных законах страны и плановых мероприятиях Советского правительства, но и в семейных нравах рабочих, на улице и в трамваях, где матери и ребенку всегда уготовано лучшее место, в советском фольклоре и в новых песнях. В обращении друг к другу даже совсем незнакомых советских граждан чаще всего звучат только приветливые, дружелюбные слова.

В странах, где до сих пор еще сохраняются принцы и нищие, лорды и лакеи, капиталисты и пролетарии, подобные взаимоотношения между ними, конечно, немыслимы. Но в советской демократии, где сам президент республики — бывший землероб или слесарь и где глава правительства обращается к любому из своих сограждан — рабочему, крестьянину или солдату — с тем же душевным словом «товарищ», с которым и они адресуются к нему повседневно,— и в этом внешнем проявлении общего содружества отражается лишь глубокое внутреннее единство всего народа. А вместе с тем в нем заложено и многообещающее начало новой растущей и жизнерадостной культуры. Недаром же в советских песнях все более уверенно звучат такие новые нотки:

Молодым везде у нас дорога,
Старикам везде у нас почет...

Ростки этой новой культуры, которая идет на смену старых устоев, утверждавших как незыблемый всеобщий закон гражданского общежития правило «человек человеку — волк», уже и сами по себе представляют ценнейшее благо. Но не следует преуменьшать и **хозяйственное** значение всех достижений советской культуры. В самом деле. Уже в 1924 г. в связи с проектом десятилетнего плана развития школьной сети Союза в Госплане были произведены подсчеты хозяйственной эффективности этого планового мероприятия. При этом на основе статистических данных удалось установить, что уже начальная школа-четырехлетка повышает эффективность и оплату труда советских рабочих и служащих по сравнению с неграмотными работниками равного возраста и стажа на 43%, средняя школа — на 108 и высшая — даже на 300%, т. е. раза в четыре. А поскольку такое повышение эффективности приносит с собой не только лишний заработок рабочему, но и дополнительный продукт общественному хозяйству, то оказалось, что все капитальные затраты государства по развитию намеченной школьной сети окупятся полностью еще в процессе ее строительства, а общий **народнохозяйственный** эффект плана превысит связанные с ним затраты в течение двух-трех десятилетий более чем в **сорок раз.** Немалый хозяйственный эффект приносят и затраты, связанные с ростом плановых заданий по здравоохранению граждан. Резко снижая смертность и заболеваемость среди населения, эти затраты повышают общую продолжительность трудоспособной жизни рабочих СССР, сокращают вместе с тем вынужденные перерывы в труде по болезни и тем самым расширяют производительные силы страны в гораздо большей доле, чем та, которая расходуется здесь на нужды здравоохранения.

Не меньшее хозяйственное значение, помимо всякого иного, имеет и планомерное освобождение в СССР миллионов женщин от крайне малопродуктивного домашнего

труда. Известно, что механизированное общественное производство пищи на фабриках-кухнях и выпечка хлеба на хлебозаводах требуют в 7—20 раз меньше труда, чем в индивидуальном домашнем хозяйстве; механическая прачечная — раз в 5 меньше, чем ручная; уход за детьми в дошкольных учреждениях — в 2—3 раза меньше труда, чем дома. Легко понять, какую экономию общественного труда обеспечивают мероприятия по обобществлению всех этих видов индивидуального труда женщин. К началу первой пятилетки, на 1 октября 1928 г., вся продукция общественных столовых Союза не превышала еще 2,3 млн. блюд, или одного миллиона обедов в день. Но уже к концу ее, по плану Нарпита, она должна была возрасти до 49 млн. блюд, т. е. более чем в 20 раз, обслуживая до 70% всего городского населения. Одно лишь это мероприятие должно было сберечь в бюджете времени домашних хозяек не менее девяти **миллиардов** часов труда в год. Немалую долю из этого освобожденного труда советская женщина уделила своему культурному росту. Достаточно сказать, что по выборочным обследованиям бюджета времени трудящихся масс за 1923—1934 гг. установлено, что советские женщины только на учебу и самообразование, даже в деревне, смогли уделять уже в 1934 г. в среднем до 260 часов в год, повысив этот расход в десятки раз с 1923 г.[1] Но еще бо́льшая доля экономии на домашнем труде была использована женщинами в производственном процессе — на вновь возникающих фабриках и заводах. И этот их новый труд становился тем более производительным, чем более высоким уровнем культуры они овладевали, так как высшая культура в СССР прежде всего сказывается в высшем искусстве на производстве.

В широкой программе социально-экономических мероприятий по расширенному воспроизводству рабочей силы в СССР предусматривается и много других прямых и косвенных воздействий на этот процесс в желательном

---

[1] «СССР — страна социализма», 1936, стр. 65.

направлении. Советских женщин никто, конечно, не принуждает освобождаться от излишней возни у себя на кухне и отводить своих детишек в ясли и детские сады. Но удобства, связанные с такой возможностью для трудящихся, так велики, что их не приходится кому-либо навязывать. Так же трудно было бы советской молодежи отказаться от участия в спортивных тренировках и состязаниях, повышающих ее силу и ловкость, или больным пренебречь предлагаемой им бесплатной лечебной помощью, или роженицам не воспользоваться предоставляемым им по закону длительным отпуском до и после родов с сохранением заработка, или многодетным матерям отвергнуть отпускаемые им все возрастающие пособия на каждого нового ребенка. Чтобы оценить по достоинству эффективность такого рода воздействий на процессы воспроизводства населения, мы приведем здесь только одно поучительное сопоставление.

В издании бывшей Лиги наций вышла одна работа, авторы которой, пользуясь определившимися за предвоенные годы тенденциями в области рождаемости и смертности населения различных стран Европы, дали на основе детальнейших подсчетов свой прогноз динамики населения этих стран вплоть до 1970 г. Эти подсчеты дают такие итоги населения для ряда западных стран и СССР (в млн. душ) [1]:

Страны	1945 г.	1970 г.
Франция	40,8	36,9
Англия	50,6	46,8
Германия	71,2	69,8
Австрия	6,72	6,28
Итого	169,32	159,78
СССР	189,0	251,0

[1] «The Future Population of Europe and the Sowiet Union. Populations Projections 1940—1970» by F. Notesstein and others. League of Nations, Genewa 1944.

Вполне понятно, что подобного рода прогнозы на 25 лет вперед не могут претендовать на высокую точность и достоверность. Но они неплохо отражают вполне достоверные тенденции развития двух различных систем хозяйства. В то время как система планового хозяйства не только расширяет свою материальную хозяйственную базу, но и обеспечивает одновременно расширенное воспроизводство самих производителей, система частнохозяйственной конкуренции выявляет в этом отношении как будто уже совсем иные — упадочные тенденции. И нужно сказать, что эти печальные тенденции присущи не только таким старейшим очагам капитализма, как Англия, Франция и Германия, но и многим другим капиталистическим странам, например Швеции, Норвегии, Швейцарии и вообще всему европейскому Северу. Можно подумать, что дело здесь в суровом климате или в особенностях пресловутой «высшей» нордической расы. Однако дело, конечно, не в климате, так как советский Север и в худших условиях климата процветает. И дело не в расах, так как судьбы западноевропейского Севера в отношении перспектив воспроизводства населения разделяет вместе с ним и весь Запад Европы, населенный разными народами, а в господстве одной и той же хозяйственной системы — капиталистической системы. Дело в том, по-видимому, что сама эта система достигла уже в Европе вершин своего развития и склоняется к закату, предотвратить который могли бы лишь весьма радикальные преобразования самых оснований данной системы. Во всяком случае вышеприведенное сопоставление двух систем, из которых одна уже теряет без всякого кровопролития десяток миллионов своих приверженцев, в то время как другая приобретает многие десятки миллионов новых, наводит на серьезные размышления о сравнительной устойчивости этих систем.

Возвращаясь к методологии планирования, нужно сказать, что в завершение компановки производственной, строительной и социально-экономической программ перспективного плана они еще подлежат взаимной балансовой увязке в масштабах всего народного хозяйства, взятого в целом. Этой цели служит прежде всего баланс производства и распределения народного дохода страны и ряд дополнительных к нему синтетических балансовых построений. Баланс народного дохода, показывая все источники его поступления и относительное значение каждого из них в отдельности в приходной своей части, а также соотношение между потребляемой и накопляемой его частями — в расходной, служит прежде всего поверкой обеспеченности расходных его статей приходными. Вместе с тем им же проверяется реальность плановых заданий в области намеченного подъема уровня жизни трудящихся и заданных планом темпов расширенного воспроизводства основных фондов страны, а также их соответствия целевым установкам плана. Естественным дополнением баланса народного дохода является баланс подготовки и распределения рабочей силы в отраслевом и районном расчленении. Еще большее оперативное значение представляет та финансовая расшифровка баланса народного дохода, которая содержится в общесоюзном бюджете государственных доходов и расходов, а также в планах кредитных и валютных операций и некоторых других. Все эти финансовые планы в своей совокупности представляют собой связную систему балансов, призванную обеспечить нормальное финансирование как оборонных задач страны, так и всех прочих народнохозяйственных и социально-культурных мероприятий, включая сюда и все требования торгового и расчетного балансов по взаимоотношениям с заграницей.

Применение балансовых построений в методологии советского планирования с каждым годом все расширяется

и углубляется. В плановой теории давно уже намечена задача построения и всего народнохозяйственного плана в форме единого, увязанного во всех своих элементах **народнохозяйственного баланса.** И хотя эту сложную задачу нельзя еще считать разрешенной, но вся методология планирования практически развивается в этом направлении.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПЯТИЛЕТКИ

Вторжение гитлеровских полчищ в СССР летом 1941 г. поставило перед нашим планированием новые труднейшие задачи. Подчиняясь законам войны, пришлось сверхсрочно перестроить все производственные пропорции на военный лад за счет сокращения мирного производства. И если к концу войны, в 1944 г., общая продукция всей промышленности, несмотря на вызванный войной огромный ущерб в материальных и трудовых ресурсах, даже превысила на 4% уровень довоенного 1940 г., а продукция первого подразделения с включением военной достигла 136% довоенного уровня, то продукция средств потребления упала до 54% нормы 1940 г., т. е. почти вдвое [2]. Это означало резкое снижение уровня жизни, нормирование питания, снижение производительности во многих отраслях труда, несмотря на удлинение рабочего дня за счет сверхурочных работ, и много других бедствий, неразлучных с войной. А после войны новая перестройка всех производственных пропорций с военных на мирные рельсы требовала новых потерь времени и задержек в темпах хозяйственного развития. Однако плановая система хозяйства СССР, обнаружив непревзойденные еще маневренные возможности, преодолела все эти трудности.

---

[1] См. Г. М. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии, 1952, стр. 30.

И выдержав в соревновании с капиталистической экономикой в труднейших условиях мировой войны строжайшую проверку всеми видами оружия, она выявила все свои преимущества и в этом беспримерном историческом испытании.

Четвертая пятилетка

Победоносное завершение войны с фашистскими захватчиками позволило советским народам вернуться снова на избранный ими путь мирного творческого труда. Величественная программа этого творческого мирного труда на первое после войны пятилетие опубликована в утвержденном Верховным Советом Союза «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг.» [1]. Пользуясь огромными преимуществами бескризисного развития в условиях плановой системы хозяйства, Советский Союз еще до вторжения гитлеровских орд в июне 1941 г. достиг высокого уровня производительных сил. В то время как царская Россия была одной из наиболее отсталых в индустриальном отношении великих держав мира, СССР в результате успешного выполнения только первых двух плановых пятилеток, т. е. всего за одно десятилетие, смог не только догнать, но и опередить в этом отношении первоклассные державы Европы, не исключая Германии. Число рабочих и служащих при этом выросло в 1937 г. всего в два с небольшим раза, народный доход — раза в четыре, промышленная продукция в неизменных ценах — раз в пять, а продукция машиностроения в том числе — раз в двенадцать! Таких темпов индустриализации не знала еще мировая история. Нормальное течение **третьей** пятилетки (1938—1942 гг.) было прервано военными невзгодами. Но еще до начала войны, за три с половиной года этой пятилетки, была выполнена значительная строительная

[1] См. «Правда», 21 марта 1946 г.

программа. И ценою 130 млрд. руб. новых капитальных затрат было введено в действие еще около 3 тыс. новых фабрик, заводов, шахт, электростанций и других предприятий.

Продукция всей советской промышленности за эти годы, когда вокруг уже кипела война, поднялась еще в различных отраслях труда на 40—50%, а в области машиностроения, решающего фактора не только в мирном, но и в боевом соревновании народов,— даже на 75%. Вероломный Гитлер, предложив СССР в 1939 г. договор о ненападении, рассчитывал использовать таким образом исключительное миролюбие Союза Советских Социалистических Республик, чтобы, справившись с другими своими противниками, затем разбить и его — предательски, в одиночку. Но на этот раз он сильно просчитался. Продленная этим договором мирная передышка позволила советским народам достигнуть подавляющего превосходства над захватнической Германией в области машиностроения, что не могло не сказаться на всем ходе и исходе затеянной Гитлером войны. Ни внезапность нападения, ни временное превосходство в боевом вооружении гитлеровцев не могли изменить неотвратимого исхода. Правда, война стоила и нам огромных жертв. Как только, однако, советская мирная индустрия перестроилась на военный лад и стала ежегодно давать фронту свыше 30 тыс. танков, самоходных орудий и бронемашин и до 40 тыс. самолетов, сотни тысяч орудий, минометов и огнеметов, миллионы винтовок, автоматов и пулеметов и миллиарды снарядов и патронов, то оказалось, что этих потоков огня и металла вполне достаточно, чтобы угасить даже самые неумеренные притязания гитлеровских агрессоров на чужие жизненные пространства.

Задания четвертой пятилетки на 1950 г. не превышали 48% прироста по объему продукции и 36% по производительности труда по сравнению с довоенным уровнем 1940 г. И если забыть о военном ущербе от гитлеровского вторжения, то такие задания могут показаться чрезвычайно умеренными. Тем более что ведь и за годы войны

наше плановое хозяйство за линией фронта росло, а не падало. Известно, например, что за четыре года войны промышленная продукция Сибири выросла в 2,8 раза, в Поволжье — в 3,4 раза, а на Урале — даже в 3,6 раза. Но это, к сожалению, был однобокий рост, наряду с которым все временно оккупированные врагом области Союза с немецкой педантичностью и бесчеловечной жестокостью обращались в «зоны пустыни».

Кровавые орды гитлеровских разрушителей не раз уже сравнивали с дикими ордами гуннов Атиллы и прочих варваров и вандалов далекого прошлого. Но, по правде говоря, всех этих варваров можно было бы признать слепыми щенками и невинными младенцами по сравнению с новейшими их продолжателями гитлеровской школы. Разрушение — дело не хитрое. Но разве варвары умели разрушать по-настоящему? Ни современной высокой техники у них для этого не хватало, ни выучки, ни вкуса. Гитлеровцы делали свое черное дело с гораздо большим смаком и высшей техникой разрушения. Не их вина, что, спешно спасаясь от преследовавшей их по пятам Советской Армии, не все оккупированные советские города и села они успели обратить в зону пустыни. Но все же они, к сожалению, многое «успели» сделать для этого.

Они полностью или частично разрушили и сожгли 1710 советских городов и более 70 тыс. сел и деревень, сожгли и разрушили в них свыше 6 млн. зданий и оставили без крова до 25 млн. населения. Они разрушили 31 850 промышленных предприятий, на которых было занято около 4 млн. рабочих, 65 тыс. километров железнодорожной колеи, 40 тыс. больниц, 84 тыс. учебных заведений, 43 тыс. библиотек, зарезали и угнали многие десятки миллионов голов скота и причинили лишь в пределах одного только государственного хозяйства СССР ущерб на 278 млрд. руб. Правда, значительная доля этого военного ущерба была погашена еще в годы войны, а кое-что возмещено за счет тех репараций, какие были получены нами деньгами или натурой от виновников

этого ущерба. Но все же из 250 млрд. руб. капитальных вложений, намеченных на пятилетку 1946—1950 гг., львиную долю предстояло обратить на задачи **восстановления** разрушений и залечивание ран, причиненных врагом за годы войны. И только с трезвым учетом всех этих тяжелых потерь и зияющих ран можно себе представить всю грандиозность задач, поставленных перед трудящимися СССР четвертой пятилеткой.

Но задания четвертой пятилетки не ограничивались сказанным. Наряду с задачей залечить все нанесенные войной тяжкие раны и расширить объем продукции, а вместе с тем обеспечить систематическое повышение жизненного уровня народа и общий культурный подъем в ней попутно были заверстаны и огромные задачи коренной **реконструкции** и обновления всех восстанавливаемых средств и методов производства. Именно в связи с этим — для модернизации старой и внедрения новой техники — закон о четвертом пятилетнем плане при среднем приросте всей индустриальной продукции всего на 48% требовал повысить выработку электроэнергии на 70%, выпуск оборудования — в **два** раза по сравнению с довоенным, в том числе выпуск электрооборудования — **в два с половиной** раза, а производство наиболее точных и эффективных оптико-механических и электроизмерительных приборов — даже в **семь** раз. Социалистическое строительство в таких масштабах предполагает прежде всего соответствующие масштабы научного творчества. Вот почему Коммунистическая партия поставила перед советскими учеными нешуточную задачу — не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР. О том, что может дать наука, лучше всего видно из перспектив той поистине **великой технической революции**, которую сулит нам предстоящее хозяйственное использование **атомной энергии, в миллионы раз более эффективной**, чем все другие известные нам доныне виды энергии. Нужно лишь озаботиться, чтобы она служила творческим, а не разрушительным задачам.

О выполнении плана четвертой пятилетки по важнейшим его показателям можно привести следующие данные [1]:

№	Показатели плана	Итоги 1940 г.	Итоги 1950 г.	
			план	выполнение
0	А	1	2	3
1	Народный доход в ценах 1926/27 г., в млрд. руб. . .	128,3	177	210
	в %	100	138	164
2	Число рабочих и служащих в СССР на конец года, в млн.	31,5	33,5	39,8
	в %	100	106	126
3	Продукция промышленности (в ценах 1926/27 г.), в млрд руб.	138,5	205	240
	в %	100	148	173
4	Грузооборот железных дорог, в млрд. *т/км*	415	532	602,3
	в %	100	128	146
5	Производительность труда в промышленности, в %	100	136	137
6	Выработка электроэнергии, в млрд. *квт-ч*	48,3	82	91,2
	в %	100	170	189

Пятилетний план по объему всей промышленной продукции был выполнен досрочно, за 4 года и 3 месяца, а к концу 1950 г. он был уже перевыполнен на 17%. По отдельным годам продукция промышленности росла при этом такими темпами [2]:

---

[1] См. «Об итогах выполнения четвертого пятилетнего плана СССР», стр. 3—13, «Народное хозяйство СССР», Статистический сборник, 1956, стр. 71, 189.

[2] «Народное хозяйство СССР», Статистический сборник, 1956, стр. 47.

Отчетный год	Продукция по группам		
	«А»	«Б»	«А» + «Б»
1940	100	100	100
1945	112	59	92
1946	82	67	77
1947	101	82	93
1948	130	99	118
1949	163	107	141
1950	205	123	173

Если исключить годы войны, то, собственно, за 5 лет четвертой пятилетки продукция средств производства (гр. «А») выросла на 83%, продукция предметов потребления (гр. «Б») — на 108, а общий их итог — на 88%. Скачок тем более поучительный, что за те же годы удалось восстановить весь военный ущерб в средствах труда. При этом на восстановление промышленности после Отечественной войны, несмотря на гораздо более тяжкие раны, потребовалось даже в наиболее отставших ее отраслях не более трех лет, т. е. вдвое меньше по сравнению с восстановительным периодом после первой мировой войны. И это уже само по себе свидетельствует о росте организованности и маневренности планового хозяйства СССР за пройденный этап его развития между двумя войнами.

Пятая пятилетка

Успешное выполнение четвертого пятилетнего плана позволило Госплану, по директивам Коммунистической партии, еще более уверенно задать высокие темпы развития народного хозяйства СССР на 1951—1955 гг. А миллионы трудящихся СССР, поднятые по призыву партии на выполнение этих заданий, и на этот раз, как неоднократно и раньше, сумели не только выполнить, но и перевыполнить весьма напряженный план пятой пяти-

летки. По объему промышленной продукции этот план, как и предшествующий, был выполнен досрочно, за 4 года и 4 месяца, с перевыполнением к концу 1955 г. на 9%, чем был обеспечен новый мощный подъем всего народного хозяйства. По важнейшим показателям этот подъем выражается в таких итогах [1]:

№	Показатели плана	Итоги 1950 г.	Итоги 1955 г.	
			план	выполнение
0	А	1	2	3
1	Народный доход (в неизменных ценах), в %	100	160	168
2	Число рабочих и служащих в СССР на конец года, в млн.	39,8	45,6	47,9
	в %	100	115	120
3	Их реальная заработная плата, в %	100	135	139
4	Продукция промышленности (в неизменных ценах), в %	100	170	185
	В том числе:			
	по группе «А», в %	100	180	191
	по группе «Б», в %	100	165	176
5	Выработка электроэнергии, в млрд. *квт-ч*	91	164	170
	в %	100	180	187
6	Грузооборот железных дорог, в млрд. *т/км*	602,3	до 845	970,9
	в %	100	140	161
7	Производительность труда:			
	в промышленности, в %	100	150	144
	в строительстве, в %	100	155	145
	в сельском хозяйстве, в %	100	140	137

[1] См. «Директивы XIX съезда партии по пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы», Госполитиздат, 1952; **Н. С. Хрущев,** Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, Госполитиздат, 1956; «Об итогах выполнения пятого пятилетнего плана развития СССР на 1951—1955 годы», Госполитиздат, 1956.

Основной установкой Коммунистической партии и в этой пятилетке, как и раньше, была постоянная забота о преимущественном росте тяжелой промышленности — основы развития всех отраслей социалистической экономики, укрепления обороноспособности нашей Родины, улучшения благосостояния народа. Такова генеральная линия Коммунистической партии, отвечающая жизненным интересам народа. Без опережения в росте средств производства по сравнению с темпами роста предметов потребления немыслим технический прогресс и такие темпы роста производительности труда, какие необходимы нам в соревновании с капитализмом, для решения нашей основной задачи в этом соревновании. Без него вообще нельзя себе мыслить расширенное воспроизводство и те масштабы изобилия средств существования, какие требуются для построения коммунизма.

Видимое нарушение этого принципа можно было бы усмотреть лишь за годы четвертой пятилетки, когда с 1945 по 1950 г. группа «А» как будто отстала в своем росте от группы «Б». Но эта видимость объясняется несравнимым составом продукции группы «А» за указанные годы. Дело в том, что по действующей практике в эту группу условно включаются не только средства производства, но и военная продукция, не имеющая никакого производственного назначения. В мирные годы эта условность не имеет существенного значения. Но при сопоставлении продукции 1945 г., в котором военная продукция составляла огромную долю, с уровнем 1950 г., когда, после демобилизации, она резко упала, без необходимой поправки на несравнимость этих данных можно впасть в серьезную ошибку. И когда у нас некоторые экономисты недавно действительно впали в такую ошибку, утверждая возможность и целесообразность на данном этапе уже и отставания в росте средств производства от средств существования в СССР, партии пришлось их серьезно предостеречь и поправить.

Наиболее быстрый темп роста за пятую пятилетку — в 2,2 раза — был достигнут в машиностроении. Добыча

нефти выросла на 87%, выплавка чугуна — на 74, добыча угля — на 50%. Наибольшее отставание от этих высоких темпов обнаружилось в развитии сельского и в особенности зернового хозяйства. В планировании этих отраслей были допущены несомненные ошибки. В большинстве районов страны имело место даже сокращение посевов зерновых культур. И продукция зерна за первые три года пятилетки, к 1953 г., всего на 1% превысила сбор 1950 г. Потребовалось энергичное вмешательство партии, выдвинувшей задачу в короткий срок резко увеличить производство зерна и в два-два с лишним раза поднять производство продуктов животноводства. За 1954—1955 гг. по призыву Коммунистической партии на освоение новых целинных земель отправились 350 тыс. советских патриотов. Вместе с тем туда же направлено было свыше 200 тыс. тракторов мощностью в 3 млн. *л. с.* Только за последние 2 года по всей стране было освоено 35,5 млн. *га* целинных и залежных земель. В результате этих усилий продукция зерна уже в 1955 г., несмотря на неблагоприятные климатические условия этого года, поднялась (за два года) на 28%, достигнув 129% от уровня 1950 г. Еще значительнее выросла за пятую пятилетку продукция технических культур: сахарной свеклы — на 47%, льна-долгунца — на 49, подсолнечника — на 107%. Заметные достижения благодаря мероприятиям партии по расширению кормовой базы в стране можно отметить, начиная с 1953 г., и в области животноводства: поголовье коров за последние 3 года выросло на 20%, овец — на 32, свиней — на 83%.

Так партия на ходу выправляет просчеты перспективного планирования.

Совершенно новую область планирования открывает собой образование после второй мировой войны ряда новых братских социалистических государств вокруг СССР. Считаясь не только с плановым опытом СССР, но и со всеми особенностями собственного развития, каждое из них продвигается к общей цели самостоятельными путями. Но возможности взаимной сильной поддержки

на этих путях создают им всем гораздо более благоприятные условия роста, чем те, в которых начинал свою историю СССР, находясь во враждебном капиталистическом окружении. В некоторых странах капитализма, претендующих на мировое господство, и теперь еще раздуваются весьма враждебные настроения против стран социализма. Не рискуя играть с огнем — прямой военной агрессией против этих стран,— они объявляют им «холодную войну», пытаясь создать вокруг этих стран кольцо **экономической** блокады. Но тщета этих попыток с каждым годом становится все очевиднее. Они заставили лишь еще теснее сплотиться и без того дружественные страны социалистического лагеря и, сознательно планируя международное, в пределах этого лагеря, разделение труда, наладить и свой особый мировой рынок, растущий в меру общей потребности в эквивалентном товарообмене всех стран этого миролюбивого лагеря. И мы можем уже ныне отметить немалые успехи и на этом новом, расширенном фронте социалистического планирования.

Как известно, промышленная продукция СССР возросла к 1955 г., в неизменных ценах, несмотря на потери военных лет, до 320% от довоенного уровня 1940 г. В других странах социалистического лагеря промышленная продукция превзошла в 1955 г. свой довоенный уровень: в Чехословакии и Германской Демократической Республике — в два с лишним раза, в Румынии — почти в 3 раза, в Венгрии — в 3,5 раза, в Польше — более чем в 4 раза, в Болгарии — более чем в 5 раз, в Албании — более чем в 11 раз. А в великом народном Китае, позже других отвоевавшем себе свободу, эта продукция превзошла уже более чем в 4 раза уровень 1949 г. Как видим, в этом лагере, чем ниже начальный уровень, тем выше темпы новой, социалистической индустриализации, подтягивающей наиболее отставшие страны к передовым. Все эти достижения потребовали у нас в СССР не свыше 7—8 лет, после восстановления военных потерь, а в других странах и того меньше, хотя они и имели место уже

в годы самой решительной торговой дискриминации и прямых запретов торговли со стороны воинствующего капиталистического Запада. И все же это не помешало бурному подъему социалистической индустрии Востока.

Никакого кризиса сбыта или затоваривания здесь не произошло. Наоборот, несмотря на высокие темпы производства, у нас еще по многим товарам, благодаря соответствующему росту заработной платы, чувствуется отставание их предложения от растущего спроса на внутреннем рынке, а запланированные избытки продукции на экспорт находят себе заранее обеспеченный торговыми договорами сбыт в других странах социализма. Кстати сказать, товарообмен СССР с этими странами вырос за одну лишь пятую пятилетку с 10,6 млрд. до 19,5 млрд. руб. в год, или на 84%. К социалистическому рынку прибегают все чаще и другие миролюбивые народы, в особенности народы тех стран, которые, испытав уже в прошлом все прелести колониализма, всеми силами стремятся к экономической независимости от своих бывших метрополий. Таким образом, внешний рынок для этих метрополий все суживается. И, несмотря на огромные производственные возможности, темпы их индустриального роста раза в три ниже наших. Да и то, отгородившись от быстрорастущих внешних рынков Востока во все более тесном кольце ими самими созданной самоблокады, капиталистические страны вынуждены расширять свои рынки столь искусственными мерами, как бесперспективная гонка вооружений за счет налогоплательщиков, что при замороженном или даже падающем уровне заработной платы в этих странах угрожает неизбежным сужением их внутренних рынков с перспективой грозно надвигающегося кризиса.

Теперь и на Западе много думают о планировании. Но каждый планирует по-своему. И самые хитроумные мудрецы Запада в гонке вооружений во имя политики «с позиции силы» усматривают как раз лучшее патентованное средство против кризиса. Но это — наивнейшее заблуждение. Пытаясь отодвинуть от себя кризис, они

лишь увеличивают его глубину и разрушительность. К тому же такая политика чревата и другими опасностями.

Балансируя «на гранях войны и мира», как на канате, легко и самому нежданно-негаданно свалиться в ту страшную яму, которую столь легкомысленно роешь своим соседям. Мы против такой опасной эквилибристики в политике. Разумная политика не строится на столь авантюристически зыбком фундаменте.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Подводя общие итоги планирования в СССР в его экономическом соревновании со странами капитализма, прежде всего следует отметить обеспеченное нашими планами превосходство в темпах роста производительности индустриального труда и объемов его продукции. Царская Россия в индустриальном развитии, как известно, очень резко отставала от наиболее передовых стран капитализма на Западе. Так, например, в обрабатывающей промышленности США в 1914 г. было занято свыше 6,6 млн. рабочих с годовой «условно чистой» продукцией в 9386 млн. долл., или 19,6 млрд. руб. золотом, а в России 1913 г. на фабриках и заводах работало только 2618 тыс. рабочих, т. е. в 2,5 раза меньше; годовая выработка рабочего в США оценивалась в 2760 руб., а в России — не свыше 1207 руб. золотом, т. е. в 2,3 раза ниже, по той же «условно чистой» продукции. Таким образом, по **стоимости** продукция США раз в 6 превышала русскую, а по **потребительному** ее значению — при более низких ценах американских товаров — еще в большее число раз.

К началу первой пятилетки это отставание СССР от США по объему продукции не уменьшилось, ибо в СССР этот объем в результате войны и блокады поднялся к 1929 г. только на 90% от довоенного уровня, а в США —

на 95%[1]. Но уже за первую пятилетку (1929—1932 гг.) объем всей промышленности в СССР возрос в 2 раза, за вторую (1933—1937 гг.) еще в 2,2 раза, и этим скачком СССР сразу прочно занял первое место в Европе, отставая лишь от США. А в дальнейшем соревновании в темпах роста продукции с капиталистическим Западом можно установить такие показатели этого роста[2]:

Объем промышленной продукции в % к 1929 г.

Страны	1929 г.	1937 г.	1946 г.	1950 г.	1955 г.
СССР	100	429	466	1 082	2 049
Капиталистический мир	100	104	107	148	193
В том числе:					
США	100	103	153	190	234
Англия	100	124	118	153	181
Франция	100	82	63	92	125

Как видим, по темпам роста продукции в неизменных ценах наша страна социализма шагала за эти годы почти в 11 раз быстрее капиталистического мира. Понятно, что при таких темпах даже большее отставание, чем то, какое наблюдалось в царской России по сравнению с США, является заведомо исчезающей величиной.

Представляя собой многонациональную державу, СССР осуществлял такую национальную политику, благодаря которой наиболее быстрый подъем индустриализации обеспечивался как раз наиболее угнетенным и обездоленным при царизме национальным меньшинствам. Так, например, если в целом по Союзу ССР продукция крупной промышленности с 1913 по 1940 г., т. е. еще до Великой Отечественной войны, поднялась почти в 12 раз, то по Казахской ССР за те же годы она выросла в

[1] «Statistical Abstract of the United States», 1954, Washington, p. 810.

[2] Н. С. Хрущев, Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партии, Госполитиздат, 1956, стр. 7.

19,6 раза, в Армянской — в 22,6 раза, в Грузинской — в 26,9 раза, в Киргизской — в 153 раза, а в Таджикской — даже в 308 раз! Не приходится в связи с этим удивляться, что в годы Отечественной войны и в тылу и на фронте нашей многонациональной державой было достигнуто еще нигде невиданное морально-политическое единство — этот вернейший залог заслуженной победы.

Такое сплочение всех трудящихся СССР поддерживается на всех этапах его роста и тем отношением к труду, которое выражается здесь не только в прославлении его доблести и геройства, но и в весьма реальном подъеме уровня жизни трудящихся в меру роста производительности их труда. Трудящиеся СССР уже свыше четверти века не знают бедствий вынужденной безработицы, и реальный уровень их жизни, несмотря на войну, поднялся с 1940 г. снова более чем на 90%. В связи с этим все трудящиеся города и деревни в СССР кровно заинтересованы в техническом прогрессе и росте производительности труда, так как именно это является залогом дальнейшего повышения их жизненного уровня и неуклонного подъема материального благосостояния и культуры.

Очень любопытно, что именно эта забота в СССР о благосостоянии трудящихся, которой так недостает в странах господствующей буржуазии, представляется особенно «опасной» ее идеологам. В 1954 г. на заседании Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев, между прочим, привел такое ценное признание американской газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» от 11 апреля того же года: «Пока мы продолжаем убаюкивать себя избитыми легендами об «отсталых русских», гигантская советская держава упрочивает свое экономическое могущество гораздо быстрее, чем это делает Западная Европа... Упор перенесен на потребительские товары. Хотите верьте, хотите нет, но это, вероятно, самое опасное событие во второй половине XX века. (Смех в зале). Печальный и неопровержимый факт (добавим: печальный для империалистов) заключается в том, что после войны в Советском Союзе наблюдается колоссальный промышленный и

технический прогресс: колоссальный по русским стандартам и громадный даже по нашим»[1].

В СССР, действительно, уже с 1954 г. начинается крутой подъем сельского хозяйства. А в Директивах XX съезда партии на 1956—1960 гг. при повышении индустриальной продукции за 5 лет на 65% рост продукции сельского хозяйства планируется даже на 70%, с увеличением валовых сборов зерна до 180 млн. *т*, или 11 млрд. пудов, картофеля — до 185% нормы 1955 г., молока — до 195, мяса — до 200, яиц — до 254%. Это все, конечно, «потребительские товары». И если на Западе продолжается гонка вооружений, а производство продовольственных продуктов в капиталистическом мире, по известному рецепту «пушки вместо масла», не растет, а даже сокращается в расчете на душу населения и в 1948—1951 гг. не превышало 98% уровня 1934—1938 гг.[2], то привлекательность такой политики для рабочих этого мира становится более чем сомнительной. Весьма вероятно, что гораздо более привлекательными покажутся им планы Союза Советских Социалистических Республик, который, отвергнув фатальную неизбежность войн, уже не на словах, а на деле сократил свою армию на 1840 тыс. и гарантирует в шестой пятилетке вместо пушек увеличить на 85% продукцию масла, а всему миру предлагает вместо «холодной войны» соревнование в мирном производстве материальных благ и культурном строительстве.

Какую же опасность может представить такая политика миролюбивым народам? Или вся «опасность» заключается лишь в том, что поджигателям войны все труднее становится запугивать своих сограждан мнимой агрессивностью социалистического лагеря и повышать этим методом через военные бюджеты сверхприбыли фабрикантов смерти?

---

[1] См. «Правда», 27 апреля 1954 г.

[2] **Е. Варга**, Об экономике послевоенного капитализма, «Коммунист» № 4, 1956 г., стр. 17.

К счастью, фабриканты оружия не составляют квинтэссенции, основы современного общества. Бремя вооружений, взваленное ими на плечи народов, становится все тягостнее. Проблема рынков для продукции мирного производства становится все острее. И энергичная инициатива СССР в борьбе за мир стала одним из самых крупных факторов, оказывающих решающее воздействие на ход международных событий.

Перспективы дальнейшего хозяйственного развития СССР в условиях мирного сосуществования соревнующихся экономических систем величественны. Они обусловлены высокими темпами роста производительности труда и соответствующими возможностями планомерного развития науки и техники. По выработке рабочего в промышленности СССР намечается в **шестой пятилетке** прирост производительности не менее 50%, т. е. около 8% ежегодного роста, в то время как, например, в США он не превышал за последние годы 1,5—2% за год. Темпы технического прогресса определяются масштабами капитальных вложений в народное хозяйство, а они возрастали в СССР по пятилетним планам такими темпами (в млрд. руб., по ценам на 1 июля 1955 г.) [1]:

Пятилетки (годы)	Государственные капиталовложения	Капиталовложения колхозов	Итого	То же в %
I (1929—1932)	61,6	2,8	64,4	100
II (1933—1937)	141,4	9,1	150,5	234
III (1938—1942)	179,5	15,4	194,9	303
(1943—1945)	94,0	10,4	104,4	162
IV (1946—1950)	326,5	29,0	355,5	552
V (1951—1955)	625,3	61,4	686,7	1 066
VI (план 1956—1960 гг.)	990	100	1 090	1 693

[1] «Народное хозяйство СССР», Статистический сборник, 1956, стр. 158—160; **Н. А. Булганин**, Доклад о Директивах XX съезда КПСС по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы, Госполитиздат, 1956, стр. 56.

Как видим, вложения за пятую пятилетку уже в 10 с лишним раз превзошли тот их объем, который казался нам таким большим в годы памятной нам исторической первой пятилетки. В VI пятилетке Директивами предусмотрены вложения только по государственному сектору на сумму в 990 млрд. руб., а в общем свыше триллиона рублей, т. е. больше, чем за 10 предшествующих лет, и в 17 раз больше вложений первой пятилетки. Можно себе представить масштаб великих работ и продвижение технического прогресса, фондируемых такими вложениями!

Когда мы читаем, что за шестую пятилетку промышленная продукция предметов потребления возрастет на 60%, продукция средств производства — на 70, а вся продукция — на 65%, мы не представляем себе, что продукция 1960 г. по своему объему уже раз в **сто** превышает **всю** продукцию крупной промышленности 1917 г., унаследованную нами от царизма.

Показательны и важнейшие отраслевые задания плана. Добыча угля на 1960 г. намечена Директивами в 593 млн. *т*, выплавка стали — 68,3 млн. *т*, добыча нефти — 135 млн. *т*, производство цемента — 55 млн. *т*, т. е. в 2,5 раза больше, чем в 1955 г.; продукция машиностроения возрастет на 80%, в том числе паровые и газовые турбины — до 10,5 млн. *квт*, т. е. в 2,58 раза, а наиболее совершенные **автоматические** станки и линии — примерно в **пять** раз. Тракторов сельское хозяйство получит за пятилетку 1650 тыс. штук общей мощностью в 24,8 млн. *л. с.*, что на 20% больше мощности тракторов, полученных сельским хозяйством за четыре первые пятилетки. Грузооборот железных дорог достигнет 1374 млрд. *т/км*. Электроэнергии проектируется дать в 1960 г. 320 млрд. *квт-ч*, а мощность электростанций возрастет при этом в 2,2 раза. Одних лишь **атомных** электростанций проектируется на 2,5 млн. *квт*, что раза в полтора превышает известный план ГОЭЛРО, который был рассчитан на 10—15 лет по всем видам электростанций.

Это грандиозная программа. Но она не окончательна. Жизнь часто вносит существенные коррективы в наши планы. Известны уже важнейшие достижения первого года шестой пятилетки. Выпуск промышленной продукции возрос за год на 11%. Заготовки и закупки хлеба по сравнению с 1955 г. возросли более чем на один миллиард пудов. Ввод новых мощностей на электростанциях за один год намного превосходит мощность шести таких гигантов, как Днепрогэс. Осуществлен ряд мероприятий по повышению уровня жизни трудящихся, что дало им выгоду на сумму свыше 35 млрд. руб. в год. Повышен размер пенсий рабочих и служащих, отменена плата за обучение в вузах, повышены заготовительные и закупочные цены на продукты деревни, начат перевод рабочих на сокращенный рабочий день, повышается с 1 января 1957 г. заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих. Вместе с тем предусматривается и необходимое уточнение намеченных заданий в направлении большей их реальности — без излишней напряженности, но и без занижения планов.

Теперь, после уже целых пяти пройденных пятилеток, и эти новые плановые задания едва ли кому покажутся чрезмерными или несбыточными. Советские люди, наученные горьким опытом гитлеровской агрессии, тем охотнее приветствуют такие задания, что усматривают в их реализации лучшую гарантию от всяких случайностей. Мы очень миролюбивы и не хотели бы, чтобы кто-либо из возможных агрессоров нарушил наш мирный труд. Правда, Гитлера уже нет. Да и мы уж не одиноки в соревновании двух мировых экономических систем. Но хозяйственный строй, породивший Гитлера, остается. И мы не забываем, что этот строй, в котором крупнейшие предпринимательские монополии вечно тянутся ко все новым, еще не завоеванным зарубежным рынкам и чужим жизненным пространствам, «химически» выделяет из себя все новых агрессоров.

Только страны социалистического лагеря, располагая неистощимым внутренним рынком, никому не угрожают

ни бросовым экспортом, ни торговой блокадой, ни атомными бомбами в придачу. Не бряцая оружием и последовательно проводя политику взаимовыгодного **расширения** мировой торговли и культурного сотрудничества всех стран, они в то же время из года в год повышают свои производственные возможности, а вместе с тем и жизненный уровень всех трудящихся. Это кой от чего страхует, хотя никому не вредит, тем более что за пределами социалистического лагеря никому не возбраняется, вступив с ним в мирное соревнование на этом же поприще, добиваться, если угодно, еще более высоких темпов технического прогресса и роста благосостояния всех своих сограждан.

В конце концов лишь такое соревнование решит вполне убедительно для всех разделяющие ныне наш мир больные вопросы. Оно же решит и большой вопрос о всех возможностях народнохозяйственного **планирования там,** где оно сталкивается со **стихией** мирового рынка.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУМИЛИН Станислав Густавович

ПЛАНИРОВАНИЕ В СССР

Редактор *П. Терентьев*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Ответственный корректор *В. Сарычева*

Сдано в набор 12 декабря 1956 г. Подписано в печать 19 января 1957 г. Формат 84 × 108 1/32. Физ. печ. л. 3. Условн. печ. л. 4,92. Учетно-изд. л. 4,46.
Тираж 200 тыс. экз. А 01215. Заказ № 2106. Цена 1 руб.

Государственное издательство политической литературы. Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфпрома Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

1 руб.